

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК» Статья первая

© 2021, М.М. Павлова, Н.А. Богомолов

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Исключительное значение для раннего этапа русского символизма имел журнал «Северный вестник» (1891–1898), вокруг которого в последние годы XIX в. группировались относительно молодые петербургские писатели — А. Волынский, Н. Минский, Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб. В публикации представлены новые архивные материалы по истории журнала: статья Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”», подготовленная для не вышедшего в свет сборника статей под редакцией Н.К. Гудзия «Русский символизм», в виде доклада прочитанная на заседании Литературной подсекции Государственной Академии художественных наук, а также протокол заседания от 14 мая 1926 г. с обсуждением этого доклада. Дополнением к статье Л. Гуревич служат ее записи (1897–1898), фиксирующие реальный и биографический контекст, в котором осуществлялось издание «Северного вестника» с момента перехода журнала в ее руки до закрытия, а также составленный ею план реорганизации журнала. Эти материалы будут представлены во второй части публикации. Вводимые в научный оборот документы позволяют расширить круг источников для изучения истории «Северного вестника» и раннего русского символизма.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник»; Л.Я. Гуревич; ранний русский символизм; ГАХН; архивные материалы.

Информация об авторах: Маргарита Михайловна Павлова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Николай Алексеевич Богомолов (1950–2020) — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Павлова М.М., Богомолов Н.А. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

Журнал «Северный вестник» принадлежит к числу самых известных и популярных в истории русской периодической печати конца XIX — начала XX вв. По объему написанного и напечатанного о нем, как о самостоятельном феномене и как о поле деятельности отдельных авторов, с ним могут сравниться разве что «Весы». О «Северном вестнике» существуют две книги [21; 45] и целый ряд статей и публикаций, начиная с давней работы Д.Е. Максимова [24]¹. Однако необходимо сказать, что источниковая база для изучения истории журнала и разнообразных перипетий, с ним связанных, может быть основательно расширена. Частичному выполнению этой задачи и посвящена наша публикация.

Важнейшими работами, посвященными этой теме, признаются обширные воспоминания издательницы журнала Любови Яковлевны Гуревич (1866–1940), известные в двух вариантах. Однако наряду с этими опубликованными материалами в архивах существуют еще по крайней мере два варианта изложения истории журнала и собственной судьбы автора. Восстановим последовательность создания этих четырех текстов.

Первый носит на беглый взгляд характер чисто служебный. В конце 1891 г. острый конфликт между издательницей и остальными пайщиками журнала принял характер юридического выяснения вопроса. Был созван третейский суд, разбиравший эти отношения, и для него Гуревич написала пространный документ (по ее словам, около 4 печатных листов), который был представлен на рассмотрение суда. Он назывался: «Объяснение издательницы “Северного Вестника” Л.Я. Гуревич по делу о неправильных притязаниях, предъявленных к ней пайщиками: А. Глинской, М. Свешниковым, М. Лозинским, А. Кауфманом и С. Крассовским на общем пайщиц-

¹ Более подробная библиография приведена в [6] и в примечаниях П.В. Куприяновского в [21].

ком собрании 5 декабря 1891 года». Впоследствии он был опубликован среди других документов по истории как судебной тяжбы, так и журнала вообще на страницах книги, посвященной А.Л. Волынскому [28, с. 319–396]. В той или иной степени, это «Объяснение» использовалось исследователями (хотя не всеми), но почти исключительно как источник сведений о финансовом положении журнала на раннем этапе его существования под руководством Гуревич. Однако более внимательное чтение показывает, что речь там идет не только о материальной стороне предприятия, но и о целях, задачах журнала, какими они виделись издательнице и ее ближайшему сотруднику А.Л. Волынскому, а также и о ее собственных действиях, далеко не сводившихся к контролю, проверке и корректировке денежных дел журнала. В этом смысле «Объяснение» еще должно быть осмыслено и реально использовано в работах о «Северном вестнике».

Появление второго документа, ныне печатаемого нами (см. продолжение публикации в следующем номере «Литературного факта»), объяснить труднее. Несколько цитат из него нам удалось обнаружить только в работе П.В. Куприяновского, где он назван «“Liebe Eripengungen” (“Милые воспоминания”) — воспоминания Л.Я. Гуревич о “Северном вестнике”, написанные в 1898 г.» [21, с. 50]. Такая характеристика не вполне точна. Во-первых, сам текст автором никак не озаглавлен, а лишь записан в довольно роскошную тетрадь, на переплете которой золотом вытеснено немецкое заглавие. И хотя, как увидит читатель, Гуревич его обыгрывает, она все же не дает такого названия. Во-вторых, для нас не вполне ясна прагматика этого текста. Вряд ли его можно назвать «воспоминаниями» — журнал продолжается, автор готов по-прежнему жертвовать собою, чтобы его длить, изложение не переведено в прошедшее время. Скорее его следует рассмотреть в свете кажущейся проходной фразы Гуревич уже на первой странице: «...мои дневники, которые я писала с 12 лет и которые писала как раз до начала моего издательства...» Эти записки можно представить как замену дневникам. Именно этим объясняется особая интимность текста, попытки проанализировать собственную психологию, раскрыть затушеванные или вовсе опущенные в других свидетельствах факты и т. д.

Текст не только не озаглавлен, но и не датирован. Мнение П.В. Куприяновского о 1898 г. выглядит вполне обоснованным, мы бы только на основании данных самого текста обозначили возможность его появления уже в конце 1897 г. Именно повествованием о лете этого года завершается фактическая история, изложенная на страницах тетради. К этому документу примыкает другой, сохранив-

шийся в черновике без заглавия и без окончания², в котором речь идет о планах реорганизации «Северного вестника», по содержанию документ может быть датирован 1897 годом.

Другие два текста писались уже спустя изрядное время после прекращения журнала. Первый из них, «История “Северного вестника”» [14], хрестоматиен и учитывается всеми без исключения историками литературы и журналистики, для которых «Северный вестник» хоть сколько-нибудь интересен. Это избавляет нас от характеристики данного варианта. Отметим только, что сохранился его черновой автограф, верхний слой которого практически дословно совпадает с опубликованным, но он носит иное заглавие: «Автобиография и история “Северного вестника”»³. Как нам кажется, это несколько неуклюжее заглавие точнее, чем холодное «история», отражает суть воспоминаний Гуревич, написанных в 1913 г.⁴, т. е. через 15 лет после прекращения журнала. И в этих воспоминаниях чувствуется не остывшее стремление доспорить, доказать свою правоту, объясниться с читателями книги и подписчиками журнала, а также, возможно, и с кредиторами. Напомним, что к концу журнала «общая сумма долгов достигла 155000 р.» [21, с. 48] — по тем временам сумма колоссальная.

Совершенно ускользнул от исследовательского внимания поздний текст Гуревич, который был прочитан в мае 1926 г. в виде доклада под названием «Символизм 90-х годов в журнале “Северный Вестник”» и под слегка измененным заглавием был приготовлен к печати, но остался неизданным. Он заслуживает особого рассказа.

Государственная академия художественных наук (ГАХН) в настоящее время стала предметом пристального изучения, вершиной которого стал недавно появившийся двухтомник [17]. Однако в нем практически не показана деятельность историков литературы, которая была несколько не менее активна, чем работа философов, теоретиков искусства, фольклористов и других сотрудников ГАХН. Это существенно иметь в виду тем более, что в обсуждении историко-литературных штудий участвовали отнюдь не только низкие эмпирики, но и самые различные деятели, связанные с ГАХН.

С самого начала в ГАХН (РАХН) имелась Литературная секция, которая постепенно усложнялась и к осени 1925 г. стала состоять из 7 подразделений. Нас в данном случае будет интересовать

² ИРЛИ. № 20247.

³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 36.

⁴ В тексте она упоминает свою книгу «Литература и эстетика», вышедшую в 1912 г., как прошлогоднюю.

деятельность подсекции русской литературы, которая до момента ликвидации ГАХН в 1929 г. вела регулярную работу, где на первый план вполне логично выдвинулась задача, хорошо определяемая временем: собрать материалы и по возможности создать историю русского символизма, значение которого осознавалось как чрезвычайно важное для всей русской литературы XX в., и в то же время его основные деятели или были еще живы, или совсем недавно ушли из жизни, оставив обширные архивы. На заседаниях подсекции выступали П.П. Перцов, Г.И. Чулков, С.М. Соловьев, обсуждались проблемы искусства и жизнотворчества А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.Ф. Анненского, Андрея Белого, А.М. Добролюбова и др. Два доклада были посвящены журналу «Весы»⁵. И не удивительно, что Гуревич была приглашена сделать доклад о важнейшем издании 1890-х гг., тесно связанном с русским символизмом. В бумагах ГАХН сохранились его тезисы и протокол обсуждения, которые мы печатаем ниже. Но сам текст доклада там отсутствует, равно как и в архиве Гуревич в РГАЛИ и в ИРЛИ. Однако ему повезло.

После того как ГАХН прекратила свое существование, часть собранных материалов попала в Государственную академию искусствознания (ГАИС), просуществовавшую совсем недолго (1931–1932), но часть ее архива сохранилась. И там, среди прочего, находится папка, озаглавленная: «Русский символизм: Сборник статей. Под ред. Н.К. Гудзия»⁶. Составившие портфель сборника материалы были представлены в форме докладов в ГАХН в 1926–1928 гг. В него вошли статьи Н.К. Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма»⁷, С.Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме»⁸, А.А. Штейнберг «Журнал “Весы” как этап в истории русского символизма»⁹, Б.В. Михайловского «Лейт-мотивизм как признак стиля русского символизма»¹⁰, Н.Г. Булычева «Блок как теоретик

⁵ Подробнее о подсекции русской литературы и ее трудах см. наше предварительное сообщение: [4].

⁶ НИОР РГБ. Ф. 81. Карт. 15. Ед. хр. 412.

⁷ Доклад был прочитан 20 мая 1927 г., опубликован: Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1930. Т. 3, кн. 2.

⁸ Прочитан 19 февраля 1926 г., опубликован: [18]. Ср. также протокол обсуждения: [5, с. 284–289].

⁹ Прочитан 8 апреля 1927 г., не опубликован. О его авторе нам не удалось собрать никаких сведений. Судя по всему, это была аспирантка ГАХН, доклад явно ученический.

¹⁰ Прочитан 9 марта 1928 г. под заглавием «О роли лейтмотивов в искусстве русского символизма». Не опубликован. Б.В. Михайловский в то время был аспирантом ГАХН, впоследствии стал известным историком литературы.

символизма и литературный критик»¹¹. Здесь же находится и статья Гуревич, прочитанная в виде доклада 14 мая 1926 г.

По сравнению с другими вариантами ее воспоминаний она наиболее отрешена от личности автора (хотя не вовсе избавлена от описания своих переживаний) и в наибольшей степени нацелена на воссоздание общей картины существования «Северного вестника» в русской литературе и журналистике 1890-х гг. То ли протекшее время, то ли ощущаемые требования наступающей эпохи сокрушительного социологизма заставили Гуревич выйти за пределы своего частного опыта и конкретных наблюдений, попытаться дать общую оценку не только высоко ценившейся беллетристике, делавшей журналу имя, но и символистскому движению, для которого «Северный вестник» был практически единственным органом, где можно было регулярно печатать не только отдельные стихотворения, но и прозу, вплоть до романов. И если в ранних воспоминаниях мы находим резко осудительную в адрес «декадентов» фразу, то уже в статье для издания Венгерова, а в еще большей степени в докладе для ГАХН Гуревич объективирует свои впечатления от той роли, которую играли в журнале Минский, Мережковские, Сологуб и другие авторы.

Вместе с тем в этом тексте прочитывается имплицитное стремление реабилитировать Волынского — смягчить слишком резкую и нелюбезную оценку его деятельности в журнале, данную С.А. Венгеровым все в той же «Истории русской литературы XX века», где была напечатана и статья Гуревич о журнале (вариант 1913 г.) [8; 14].

Признавая за Волынским «все права считать себя одним из создателей “новых течений” 1890-х гг.», Венгеров предельно жестоко характеризует его как ведущего критика и редактора «Северного вестника»: «...кратко скажу, что нормальна, плодотворна, создает прочные симпатии и сколько-нибудь продолжительное влияние только та критика, которая одновременно с разрушением старого, любовно и торжествующе встречает новое. А у Волынского именно любви-то никогда и не было. Он только ненавидел, а когда в литературе выступили новые, *творческие* силы и ярко определились действительно-новые настроения, он с полным отсутствием чутья совершенно не распознал в них союзников и вместо того, чтобы радостно комментировать и приветствовать, обрушился на них с таким

¹¹ Николай Гордеевич Булычев (1895 — после 1937) — видный анархист, печатавшийся чаще всего под псевдонимом Н. Отверженный. Доклад «Блок как теоретик русского символизма» он сделал 12 мая 1927 г., но ни текст в папке, ни материалы обсуждения не сохранились. Вероятнее всего это связано с тем, что в 1929 г. он был арестован, а затем выслан.

же озлоблением, с каким нападал на “старые” течения. Вся деятельность Волынского в “Сев. Вест.” сводилась вообще к ожесточенной борьбе» и т. п. [8, с. 122–123].

Гуревич не могла согласиться с подобной характеристикой своего литературного соратника и, по-видимому, в своем позднем очерке хотела восстановить справедливость, последовательно выдерживая линию «защиты». Кроме того, она планировала продолжить работу над мемуарами, о чем мы узнаем из ее письма к дочери Волынского М.А. Зеликиной (1887–1953), в котором она убеждала ее и сестру Волынского Берту Львовну Паргамент передать хранящийся у них архив в Литературный музей¹².

В январе 1933 г. Гуревич писала Мэри Акимовне в Ленинград: «По поводу замечания Н.К. Гудзия, что можно передать архив в Музей с предоставлением права разрабатывать и опубликовывать его только определенному лицу или лицам, могу с полной определенностью ответить, что это могут быть и лица, вовсе не принадлежащие к членам Комиссии. Я бы считала целесообразным сделать это, и вот почему: среди современных литераторов и литературоведов и сейчас найдется не мало таких, которые захотели бы разрабатывать архив А<кима> Л<ьвовича> с специально-полемическими целями, продолжая при этом и те недобросовестные нападки, которые, как я наверняка знаю, изводили его больше, чем он этого показывал, и уж во всяком случае не содействовали выяснению истины. Всего этого хотелось бы избежать. <...> я попрошу Вас назвать и меня в числе тех лиц, которым Вы доверите эту работу: не помню, писала ли я Вам уже, что я готовлюсь к писанию своих мемуаров (частью для печати, частью для более или менее отдаленного будущего), в которых, конечно, много места будет уделено и А. Л.»¹³.

Этим планам Л.Я. Гуревич не суждено было осуществиться, в позднейшие годы она всецело отдалась работе над своими театральными воспоминаниями (о МХТ и К.С. Станиславском). Таким образом, ее доклад, прочитанный на заседании ГАХН, можно назвать последним, имеющимся в нашем распоряжении, вариантом воспоминаний о «Северном вестнике».

Текст доклада Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”» воспроизводится по авторизованной машинописи из архива ГАИС, хранящегося в Российской государственной

¹² Письма Л.Я. Гуревич к М.А. Зеликиной (1931–1933): ИРЛИ. Ф. 673. Поступление 2020 года.

¹³ ИРЛИ. Ф. 673 (А. Волынского).

библиотеке: НИОР РГБ. Ф. 81. Карт. 15. Ед. хр. 412. Л. 151–172. Зачеркнутый текст заключен в прямые скобки. Тезисы доклада и протокол заседания Литературной подсекции ГАХН № 12 от 14 мая 1926 г. публикуются по машинописи из фонда ГАХН в Российском государственном архиве литературы и искусства: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 38. Л. 57–59 об.

Любовь Гуревич

Символизм 90-х гг. и журнал «Северный вестник»¹

Размеры моей работы, обусловленные самым ее характером, не позволяют мне развернуть тему ее во всю ширину, т.е. рассмотреть те многочисленные произведения символического характера в стихах и в прозе, которые печатались на страницах «Сев. Вестн.». Я принуждена ограничиться обзором материала, обрисовывающего символизм 90-ых гг. в его теории, не углубляясь даже в анализ этой теории и не сравнивая ее с более полными теориями символизма, сформулированными в последующие десятилетия. Но проследить истоки символизма на русской почве, представить его в исторической перспективе и в окружении тех идей, с которыми он был для нас органически связан, — это я и считаю своим заданием в настоящей [м]й [докладе] статье.

Нельзя понять того литературного движения, которое выразилось в 90-ых гг. на страницах «Сев. Вестн.», нельзя почувствовать его темперамента и его внутреннего пафоса, не представив себе, чем была русская жизнь и русская журналистика 80-ых гг., какова была та общая атмосфера, в которой возматало поколение, определившее собою литературную физиономию конца XIX в. Я живо помню то время — время моей ранней юности, и да будет мне позволено бегло очертить его сквозь призму моего личного восприятия. Прежде всего это время тяжелой политической реакции. В моих ушах еще звучит барабанная дробь, под которую везли на казнь, мимо окон нашей гимназии², привязанного к черной колеснице, бессильно рвавшегося и что-то кричавшего толпе Млодецкого, который совершил покушение на Лорис-Меликова...³ Этот образ остался в душе как бы символом той эпохи с политической ее стороны. Единичные героические усилия, направленные к борьбе с реакци<e>й, оказывались

бессильными сломить ее, а другие пути «ниспровержения существующего строя» еще не наметились. Общество цепенело в унынии; бесплодные разглагольствования на гражданские темы за самоваром в мещански настроенных семейных домах, однообразные, бесформенно-протестантские разговоры и речи в студенческих кружках. Идеи, которыми передовая русская журналистика питалась уже несколько десятилетий подряд, во имя которых она отворачивалась от Пушкина, Достоевского и Толстого, игнорировала Тютчева, издевалась над Фетом, идеи эти постепенно изживались, измельчались. Кумирами молодежи среди современных писателей были Надсон с одной стороны, Михайловский с другой. В.В. Вересаев, вспоминая в своей краткой автобиографии это время, говорит: «Активное народничество в это время шло уже сильно на убыль... Во мне лично... веры в народ не было. Было только сознание огромной вины перед ним и стыд за свое привилегированное положение. Но путей не виделось». Этим путей не указывал Вересаеву, по его собственному признанию, и любимый им в то время Михайловский: «Чувствовалось, что их (этим путей) и у него нет»⁴. В этом ощущении какой-то гнетущей замкнутости кругозора, какого-то невыносимого удушья сходились, очевидно, и те, которые позднее, в середине 90-ых годов, примкнули к марксистскому движению, и те, которые сгруппировались около «Сев. Вестн.».

Нас тоже жгли вопросы социального неравенства, мы тоже мучились стыдом за свое привилегированное положение и призывали бурю, которая сокрушила бы устои окружавшей нас ненавистной и презренной жизни. Но она был презренна для нас и в своих руководящих интеллигентских верхах, которые словно накладывали запрет на то, что было нам всего ближе и дороже. Большие вечные вопросы, вопросы философии, этики, поэзии мучили нас. А Михайловский говорил, что волнующие нас вопросы — «праздные вопросы»⁵. Это возмущало не менее, чем в свое время, позже, пресловутые «бессмысленные мечтания» в устах Николая II⁶. Позитивизм, утилитаризм, натурализм — это было уже ветхо и мертво. Но живы, вечно юны были великие мыслители и писатели всех эпох и народов, и упоительную радость, восторг и надежды вселяли в сердца родные поэты — Пушкин, Тютчев. Беспредельные дали космоса пели свою песнь в душе, — и в ней закипали новые силы и вера в будущее. Какой абсурд, что передовые люди, готовые на отчаянную борьбу за лучшее будущее, отвергают эти источники обновления сил, отворачиваются от лучших, от единственных достижений нашей культуры! И что принесут они с собой в новый мир, если когда-нибудь найдут

пути к нему? какие блага откроют обездоленным классам, если осуществится мечта о социальном равенстве? Чего хотят они для них: только хлеба?

В начале 1887 г. я познакомилась в доме А.А. Давыдовой⁷, впоследствии — издательницы «Мира Божьего», с Волынским, Мережковским и Минским, которого я знала по запрещенной цензурой, ходившей в рукописи поэме его «Гефсиманская ночь»⁸. Осенью того же года вышла в свет книга стихотворений Минского. Одно из них нужно признать, во всяком случае, симптомом поворота в настроениях новейшей русской поэзии. Это стихотворение, начинающееся словами: «Как сон, пройдут дела и помыслы людей», нужно было бы привести здесь целиком. Для краткости я приведу лишь несколько строк его:

В каких бы образах и где б среди миров
 Ни вспыхнул мысли свет, как луч средь облаков,
 Какие б существа ни жили, —
 Но будут рваться в даль они, подобно нам,
 Из праха своего к несбыточным мечтам,
 Грустя душой, как мы грустили⁹.

Минский принадлежал к старшему поколению по сравнению с нами, и поэзия его, в первый период его деятельности, как известно, была окрашена гражданственно. Однако еще в 1884 г. он выступил в киевской газете «Заря» с фельетоном, где он объявлял войну 60-м годам во имя самодовлеющего значения искусства¹⁰.

Мережковский, прошедший через увлечение позитивизмом и народничеством, в то время поворачивал уже к религии, но, по собственному его признанию, находился еще под влиянием Михайловского. В противоположность Минскому и Мережковскому, с их внутренней неустойчивостью, зыбкостью, способностью поддаваться то тем, то иным влияниям, Волынский имел очень резко выраженную умственную физиономию и казался пришедшим в мир русской интеллигенции из какой-то другой страны или эпохи. Ему было всего 23 года, но впечатления молодого человека он не производил. За год перед тем он окончил юридический факультет университета, где обратил на себя внимание работой о Спинозе¹¹ и где ему сулили кафедру при условии перехода в православие. Он отказался от этого и жил на гроши, печатая литературные статьи в «Восходе»¹², погруженный в книги, в философов. Таким он и остался в известных отношениях — «вечным студентом», способным поглощать неимо-

верное количество книг на всевозможных языках, всегда что-нибудь досконально изучающим. Фанатик своих идей, непримиримый, беспощадный, с громадным умственным темпераментом, сосредоточенный в себе и часто презрительный к людям, он знает страстные интеллектуальные увлечения и порывы, но не знает радостей простого взаимного человеческого общения. У него всегда были горячие приверженцы, которым он много дает от богатства своих знаний и идей, но он всегда одинок, потому что не имеет потребности выйти из своего внутреннего одиночества и не умеет брать от людей того, что иногда питает и разум, и душу не менее книги. Широта, ясность и прозорливость ума, способность сосредоточенно воспринимать то, что он хочет воспринять, и *сознательно* делать то, что другие делают по непосредственному побуждению, часто заменяют ему и художественное чутье, и врожденную сердечность. Но никакие блага мира не могли совратить его с того пути, на который он вышел по призванию, по убеждению, и на котором ему дано было, в силу особенностей его натуры, больше разрушить и расчистить для будущего, чем теоретически [сотворить] обосновать.

В 89 г. Волынский начинает печататься в журнале «Северный Вестник» редакции Евреиновой¹³, где кроме писателей старой формации помещали свои произведения новые литературные люди: с одной стороны — Чехов, с другой — Мережковский, Минский.

Волынский пишет для «Сев. Вестн.» свою громадную статью о «Критических и догматических элементах в философии Канта»¹⁴, затем — статью, обзорающую все сочинения Вундта»¹⁵. Он выступает в этих статьях сторонником философского идеализма, — критического идеализма, который опирается на теорию познания и идет рука об руку с положительной наукой. Нельзя не отметить, что как раз в то время в Москве открывается журнал «Вопросы философии и психологии», который, несмотря на разнородность своего редакционного Комитета, — тоже приобретет идеалистическую окраску. В одной из первых книжек «Сев. В.» Волынский отмечает появление этого нового журнала и сочувственно указывает на статью Н. Грота «Что такое метафизика»¹⁶, в которой говорится о связи философии и искусства и уже шевелится какой-то неотчетливый намек на теорию художественного символизма.

К весне 1890 г. «Северн. Вестн.» Евреиновой исчерпывает свои материальные средства и должен остановиться. О приобретении журнала мечтает Михайловский, но Евреинова предпочитает продать его молодой компании, с которой до некоторой степени связан Волынский. Мне кажется в этот момент, что в связи с вопросом о «Сев.

Вестн.» решается нечто гораздо большее, чем моя личная судьба и, достав требующуюся небольшую сумму, я вхожу в эту чуждую мне компанию, покупающую журнал, в безотчетной уверенности, что это путь к полному завладению журналом. Не стану говорить здесь о тех перипетиях, которые ровно через год оправдали эту мою уверенность. Весною 1891 г., не имея ни копейки денег, я сделалась официальной издательницей «Сев. В.», уже значительно обремененного долгами, лишь наполовину покрывавшего свой бюджет подпиской, — и переехала в редакцию. Чтобы понять этот поступок, нужно учесть силу отвращения к русской действительности, к русской журналистике того времени и органическое, непререкаемое убеждение, что пришла пора обновить их. Волынский уже бросил вызов Михайловскому заметкою о нем в первом № журнала за этот год, — и бой начался¹⁷. Кругом уже закипали страсти, вражда, а друзей в этот момент как будто совсем не было. Те, которых можно было до некоторой степени считать единомышленниками — Минский, Мережковский, Гиппиус (она только что начала тогда печататься)¹⁸ — как раз в это время даже перестали присылать свои стихи. Самое существование журнала казалось им эфемерным. Состав сотрудников журнала был пестрый, случайный. Рядом с лицами, которые нужно или можно было удерживать, — были и такие, с которыми необходимо было скорее расстаться, чтобы придать журналу определенную физиономию¹⁹.

Программа журнала в те, первые годы, не была выражена в каком-либо подобии литературного манифеста; она раскрывалась постепенно в руководящих статьях Волынского. Лишь позднее, в январской книжке 1896 г. мы нашли нужным формулировать некоторые пункты ее с возможной отчетливостью в нашумевшей заметке, написанной совместно Волынским и мною и напечатанной за нашими обеими подписями на первых страницах книги под заглавием «Идеализм и буржуазность»²⁰. Я приведу выдержки из этой заметки, т.к. она наиболее определенно передает центральные идеи и настроения журнала, явившегося органом раннего символизма. Заметка начинается с указания на критический идеализм как на краеугольный камень мирозерцания, которое пришло на смену старому, и на Канта как на основоположника этого мирозерцания. «Россия не знает Канта, а это то же самое, что не знать Коперника в представлениях о мироздании», — говорилось в первом абзаце заметки. Люди, смешивающие идеализм с отживающими догматическими системами, обнаруживают незнание того многозначительного факта, что самыми яркими врагами идеализма были мыслители спиритуалистического направления. Объясняя да-

лее обособленность «Сев. Вестн.» и непримиримость его в борьбе с русской журналистикой разных направлений и оттенков, авторы заметки ставят в вину и этой журналистике, и породившему ее обществу их буржуазный характер. Идеализм неизбежно ведет к непримиримости по отношению ко всему, на чем лежит отпечаток буржуазности, как и буржуазность всегда, сознательно или бессознательно, стояла в непримиримой вражде с идеализмом. Типической чертой буржуазии всегда была *умеренность* в жизненных требованиях и теоретических идеалах. Буржуазное понятие о благе всегда ограничено и охотно вступает в компромисс с известными формами исторической действительности. Буржуазия признает необходимым разделение человечества на большие замкнутые группы, именуемые народами, государствами, и в пределах этих групп одни классы возвышаются над другими, причем это исторически сложившееся неравенство людей санкционируется как что-то необходимое. В области внутренних интересов буржуазия, стремящаяся прежде всего к внешнему благополучию жизни, требует подчинения личности единообразному шаблону и стесняет не только человеческое поведение, но и самую мысль, которая для своего развития нуждается в полной независимости от каких-либо утилитарных предписаний. Критический идеализм по самому духу своему является источником беспощадной критики. Разбирая весь материал познавательного процесса, он разрушает всякие иллюзии догматического мышления. При рассмотрении жизненных вопросов всех видов и порядков он исходит из философского понятия личности, со всеми ее низшими и высшими потребностями, и не смиряет своих радикальных требований в угоду каким бы то ни было историческим обстоятельствам. Отмечая различные ступени в историческом процессе развития, ни на одной из них он не останавливается с полным удовлетворением. Повсюду он преследует разлагающий яд буржуазности»²¹.

Отдельные мысли, выраженные в этой заметке по вопросу о соотношении идеалистической философии и практической деятельности человека на поприще социальном и политическом, были разбросаны в разных статьях Волынского, начиная с первых шагов его в «Сев. Вестн.»²². Нечего и говорить о том, что нелегко было проводить их через цензуру и что развернуть их полнее при подцензурности журнала не представлялось никакой возможности.

Вопрос об отражении идеалистической философии на художественном творчестве и на тех мерилах, с которыми должна походить к оценке художественного произведения литературная

критика, трактовался Волынским не раз и с достаточной полнотой. Натурализм требовал от произведений искусства, чтобы они были только воспроизведением действительности — и в этом смысле «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского как бы предваряли теорию натурализма²³. С точки зрения философского идеализма искусство отнюдь не задается целью изображать эмпирическую действительность, но выражает — в живых художественных образах, создавшихся из элементов действительности, — внутренний мир художника, его мирозерцание. Публицистическая критика, начиная с последнего периода деятельности Белинского, требовала от поэта оценки изображаемой им действительности с точки зрения злободневной гражданственности, она хотела замкнуть его в свой публицистический кругозор и поощряла в творчестве рассудочную тенденцию. Но «великие произведения искусства не проникнуты никакими тенденциями — никакими эмпирическими целями и задачами, — говорит Волынский. — Освещенные в самой глубине замысла цельным мировоззрением, они тем самым воспитывают людей в идеалах вечно новой, вечно прогрессирующей красоты и перестраивают исторические условия не случайными средствами»²⁴. Публицистическая критика не понимает того, что «искусство не угашает, а поднимает дух при одном условии: если оно свободно развивается по *своим* законам, если оно свободно служит *своим* целям»²⁵. Не понимая этого, публицистическая критика отвергала художественные явления высочайшей ценности. «По мере того, как высыхала философская мысль на страницах русских журналов, русская критика все более теряла под собою почву. Она пала до того, что замахнулась на Пушкина. Дальше идти было некуда»²⁶, — говорит Волынский.

Все эти соображения, по существу вовсе не новые, но формулировавшие то, что с новой силой сознавалось молодым литературным поколением, естественным образом приводили к «переоценке всех ценностей»²⁷ в области литературы и литературной критики. В первые же два года после перехода «Сев. Вестн.» в мои руки, Волынский определил отношение журнала к целому ряду литературных деятелей прошлого и настоящего. Его «Литературные заметки» этого периода дают ряд принципиальных оценок — то цельных, то частичных, — Пушкина, Гоголя, Толстого, Гончарова, Лескова, Полонского, Майкова, Надсона, Фофанова, Чехова, Короленко, Эртеля, Белинского, Чернышевского, Герцена, которому «Сев. Вестн.» отдавал все свои симпатии²⁸, Канта и Карлейля, Золя и Ибсена

и мн<огих> друг<их>²⁹. С 93 г. начали печататься систематически статьи Волынского о русских критиках³⁰.

Одновременно с этим шла работа по собиранию вокруг журнала необходимых ему литературных сил. [Это не было просто делом практической важности — это было осуществление давней потребности приобщить к боевой журналистике, к молодому движению ее всех тех, кто жил, погруженный в мир образов и идей, вдали от центров интеллигентской жизни.] Из писателей прежних поколений немногие уже оставались в живых. Первым, еще до того, как я стала официальной издательницей журнала, вошел в него Полонский. [Он полюбил молодую редакцию за ее литературные взгляды и часто появлялся в моей рабочей комнате, гремя своими тяжелыми костылями, садился в кресло и, терпеливо ожидая, пока я кончу спешную работу, мечтал или подремывал тихонько]³¹. Обращение мое к Лескову тоже привело к самым дружеским отношениям³². [Его талант тогда начинали уже признавать в передовой журналистике, он печатался в «Русской Мысли», но внутренней связи с журналами прежнего типа у него не было и быть не могло]. У нас он нашел не только признание его таланта, но и понимание³³ его яркой, сложной и самобытной личности, его тяжелых нравственных борений, его внутреннего влечения к Толстому. [С нами он мог язвительно шутить и подсмеиваться не только над публицистами «Нового Времени», но и над критиками либеральных журналов, не опасаясь вновь вызвать против себя обвинение в ретроградности. Он дал «Сев. Вестн.» очерки «Пустоплясы», «Вдохновенные бродяги, удалецкая сказка» и др.³⁴] Его расположение ко мне и к журналу выразилось, кроме того, в том, что он познакомил меня с Толстым — сделал так, что я получила приглашение приехать в Ясную Поляну³⁵. Связь с Толстым была у журнала тоже не случайная. Его страстное религиозное и этическое устремление, его беспощадное обличение буржуазного строя жизни, его анархизм были близки нам по существу³⁶. Что ключ, которым можно перевести жизнь, частную или общую, на новые пути, находится в человеческом сознании, что нет никаких средств к обновлению жизни, пока не будет *осознана* необходимость обновления, — это была одна из центральных идей Толстого, развитая им с могучей убедительностью в плохо понятой либеральным обществом статье его «Неделание»³⁷. Он отдал ее в «Северн. Вестник», в котором та же мысль высказывалась Волынским, и который он считал интересным и близким себе по целому ряду вопросов³⁸. Позднее, читая серию статей Волынского, вышедших под названием «Русские

критики», Толстой говорил мне, что теперь только, благодаря этим статьям, он понял, чем жила за последние десятилетия русская интеллигенция и почему он был так далек от нее. Он и искренно хотел поддержать журнал своим сотрудничеством, несмотря на то, что он попадал в нем под предварительную цензуру, и в течение трех лет дал нам две сказки, две статьи, предисловие к переведенному его дочерью под его редакцией «Дневнику Амиэля»³⁹ и, наконец, своего бессмертного «Хозяина и работника»⁴⁰. [С нежной благодарностью в душе вспоминаю я то обстоятельство, переданное мне Бирюковым⁴¹, что Толстой никогда еще ничего не писавший к сроку, впервые торопился окончить свой рассказ, чтобы его можно было напечатать в такое время, когда появление его могло выгодно отразиться на подписке журнала].

Одно время, в 92–93 г., довольно близко подошел к журналу Влад. Соловьев, напечатавший у нас небольшие заметки и ряд стихотворений⁴². Позднее «Русские критики» Волынского оказались неприемлемы для него. Но лучшие писатели-беллетристы старшего поколения, — кажется, все, кроме тесно связанного с Михайловским Короленко, — Чехов⁴³, Альбов⁴⁴, Эртель⁴⁵, Мамин-Сибиряк⁴⁶, Микулич⁴⁷ и др., во многом не разделяя высказываемых в журнале взглядов, отдавали туда свои вещи⁴⁸. Позднее в нем стал печататься Горький, откликнувшийся из глуши на только что изложенную мной заметку «Идеализм и буржуазность» небольшим сочувственным письмом⁴⁹. [впрочем, в то время имя его еще ничего не говорило нам.] Огромную роль в жизни журнала как органа новой русской журналистики, сыграли «Записки Смирновой», эти почти уничтоженные теперь в своем значении таинственные записки, которые я получила из рук в руки от прикованной к постели О.Н. Смирновой, с глубокой верой в их подлинность⁵⁰. [Лишь позднее в печати начались волнующие указания на некоторые анахронизмы и неточности их, но и это не подорвало доверия и острого интереса к ним со стороны целого ряда литературных людей. Недаром Мережковский начинает свою статью о Пушкине с утверждения, что во всякой другой стране эти записки «составили бы эпоху»⁵¹, — так верно и так полно воспроизводят они Пушкина как человека. Во всяком случае они создавали какой-то необычайно живой и интимный подход к Пушкину, к Гоголю и другим писателям и поэтам 20–30-х г.г., за последние десятилетия словно угасших для сознания и чувств русского общества, словно превратившихся для него в какие-то безжизненные монументы.] С уверенностью могу сказать, что под влиянием этих во многом фантастических, как теперь выяснилось, но воистину художествен-

ных записок многие русские люди совсем иными глазами начинали читать русских классиков и по-иному относиться к поэзии и поэтам.

Такова была атмосфера, в которой стал самоопределяться петербургский символизм в лице Минского, Мережковского и Гиппиус. Поверив, что «Сев. Вестн.» будет жить, они стали постоянными его сотрудниками⁵². Я решительно отказываюсь признать, что символизм «Сев. Вестн.» навеян, как это говорили иногда, западно-европейскими образцами. Волынский не интересовался в то время молодой европейской поэзией и не писал о ней. Минский в начале 90-ых г.г. интересовался по-настоящему только Ибсеном⁵³. Гиппиус, по ее собственному признанию в ее автобиографии, никогда не увлекалась французскими поэтами и в 90-ых г.г. мало их читала, а в новом литературном течении ее «занимала проблема индивидуализма и все к ней относящиеся вопросы»⁵⁴. Лишь Мережковский прошел через увлечение Эдгаром Поэ и Бодлэром⁵⁵, но не он, а Якубович-Мельшин напечатал в «Сев. Вестн.» большую заметку о Бодлэре и серию его переводов из «Цветов зла»⁵⁶. Характерно, что когда я хотела заказать кому-нибудь статью о Верлэне, Маллармэ и Рембо, мне пришлось, за неимением подготовленных к этой теме писателей, обратиться к одному моему личному знакомому, рано умершему А.С. Усову⁵⁷. Могла бы это сделать, конечно, жившая в это время в Париже Венгерова, но она сотрудничала тогда в «Вестн. Европы», где и напечатала свою осведомительную статью на эту тему еще в 92 г.⁵⁸ Характерно также, что и в дальнейшем переводы новейших и интереснейших иностранных авторов лишь в очень редких случаях предлагались нам писателями, обычно же — <p>осто интеллигентными людьми из общества.

Слово «символы» впервые громко прозвучало в русской литературе в 92 г.: Мережковский выпустил под этим заглавием книжку своих стихотворений, в которых не было, впрочем, ничего символического. В том же году, откликаясь на статью С.М. Волконского «О художественном наслаждении и творчестве»⁵⁹, упоминающую и о символизме, впервые высказывается на эту тему Волынский. «Символизм есть один из постоянных элементов всякого поэтического произведения, задуманного с какими-нибудь возвышенными философскими или религиозными намерениями», — говорит он. И далее: «Символы философские и религиозные порождают сложное художественное впечатление или, вернее, широкую волну чувств, в которых ощущение чисто-поэтическое слито с ощущением духовного подъема, нравственного порыва к вечному и бесконечному...»⁶⁰. Это первый набросок теории символизма, еще очень смутный и неуверенный.

К началу 93 г. выходит в свет книжка Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в <современной> русской литературе», где говорится о «божественном идеализме», о Канте, об «идеальном искусстве, которое грядет на смену утилитарному, пошлому реализму»⁶¹, о мистицизме и символизме. Мережковский понимает символизм очень распространительно. Он видит его и у Гончарова. «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительной жизни», — говорит он⁶². «Высшее искусство всегда символично». Волинский возражает Мережковскому, упрекает его в том, что он смешивает типическое, обобщающее, с символическим. «Для типов нужна художественная абстракция, для символа нужна способность видеть все конкретное, частное, преходящее в связи с безграничным духовным началом, на котором держится мир... Для типа требуется гений поэзии, для символов нужен талант философский, гений широкого мышления. Вот почему только настоящие титаны поэзии, Данте, Гете могли создавать их во всем блеске литературной красоты. Писателям с талантом невеликим, скудным, символизм только вреден, только опасен»⁶³. Таков взгляд Волинского на символизм в этот ранний период. Он начинает с того самого предостережения против злоупотребления символами, которым Вяч. Иванов кончает в 1910 г., говоря в статье своей: «Заветы Символизма»: «Не нужно желать быть символистом» и т.д.⁶⁴

В дальнейшем Волинский не откажется от сделанного им в ответе Мережковскому разграничения между художественным типом, т.е. художественным обобщением, и символом. Но общий взгляд его на символизм приблизится до некоторой степени к тому, что высказано в данный момент Мережковским: определение символической поэзии значительно расширится у него, захватив все художественные произведения, освещенные изнутри идеалистическим мирозерцанием. В 95 и 96 г.г. Волинский не раз возвращается к вопросу о том, что такое символизм в искусстве и чем он должен быть, — как бы стремясь найти наиболее яркую формулировку своей мысли, связывающую ее с основным его принципом — принципом критического идеализма. Такую, наиболее ясную и наиболее характерную для Волинского формулировку я нахожу в статье его «Декадентство и символизм», напечатанную в 96 г.⁶⁵. «Как и всякое искусство, символизм обращен к простым и наглядным явлениям жизни... явлениям природы, явлениям человеческого духа, — говорит здесь Волинский. — Чем точнее и трезвее восприятие, чем меньше романтического дыма в описании конкретных фактов... тем лучше для искусства. Обладание как можно более широкое миром

явлений должно быть положено в основу всякого философского и поэтического творчества. Но, идя общим для всякого творческого процесса путем, символизм имеет большие преимущества перед прежними литературными школами и направлениями». Когда писатель, разбираясь в материале своих наблюдений, руководится при этом какими-нибудь несложными понятиями, стоящими ниже философской мысли своей эпохи, он не видит внутренней сущности стоящих перед его глазами фактов, не сознает их таинственного значения: «они не кажутся ему *явлениями*, т.е. внешним, законченным, точно и ясно оформленным выражением таинственных основ жизни. Самое понятие *явления* — прекраснейшее поэтическое достояние новейшей философии — имеет логический смысл только при мирозерцании идеалистическом, в котором видимое и невидимое, конечное и бесконечное, чувственно-реальное и мистическое слиты в неразрывном единстве как неотъемлемые признаки двух соприкасающихся между собою миров». Но «на поверхности должны быть явления и только явления: тела, костюмы, живая человеческая походка, выражение лиц и глаз, всем понятные, но постоянно углубляющиеся ощущения и мысли. [Вот настоящая сфера для искусства, которое идет сознательным путем идеализма]»⁶⁶.

Я уже сказала, что эта только что цитированная мною заметка Волынского называется «Декадентство и символизм». Волынский не раз возвращается к вопросу о необходимости резко отграничить символизм от декадентства. Фиксируя внимание на проявлении декадентства в том или ином писателе, он теряет равновесие, перестает видеть его литературную физиономию в целом, перестает ощущать его талант, которого не мог не видеть, которому отдавал должное в другое время. Тут именно — в обличии декадентства — сказывается вся его умственная страстность, резкость, весь его фанатизм. [*Вклейка, карандашом*: Он изобличает декадентство как явление нездоровое и уродливое, он преследует его везде, где встречается, не щадя ближайших сотрудников журнала, — людей, с которыми он постоянно выдается и говорит на волнующие его философские и литературные темы. Таковы, в первую очередь, Мережковский и Гиппиус.] Заметки его о них, печатавшиеся в «Сев. Вестн.» рядом с их произведениями, поистине могут быть названы беспощадными⁶⁷. Но они не уходят из журнала — до того момента, когда окончательно обозначается неизбежность его гибели, а Волынский не перестает бывать у них, проповедуя им свои идеи, — и в середине 96 г. они совершают совместное путешествие в Италию, где Волынский изучает, со свойственной ему энергией ра-

ботоспособности, ранний и поздний Ренессанс, чтобы в ряде статей о Леонардо да Винчи⁶⁸ вступить в борьбу с поздним Ренессансом, с его уклоном к демонизму, к аморализму, ко всему тому, что в более мелком и дряблом виде выразилось в литературном декадентстве нашего времени. Мережковский в это же время собирает материал для своего романа о Леонардо да Винчи⁶⁹, очень отличающегося по духу от статей Воынского. Гиппиус, путешествуя по Италии, печатает в «Сев. Вестн.» большую повесть «Златоцвет»⁷⁰, где внимательный глаз несомненно уловит тонкие декадентские изломы ее острого, но рассудочного беллетристического дарования, ее нездоровой, беспокойной и кокетливой души. Я говорю обо всем этом в связи с цитированной заметкой Воынского «Декадентство и Символизм», потому что эта заметка включает в себя письмо, которое Воынский получил как бы от неизвестного молодого автора Л. Денисова⁷¹, присоединяющегося к его мнениям о символизме и декадентстве: письмо это на самом деле было написано Гиппиус, так же, как и рассказ «Вне времени», присланный для напечатания за тою же подписью Л. Денисов и перепечатанный, значительно позднее, в книге ее «Алый меч»⁷². Как понять этот маленький маскарад? Я полагаю, что Гиппиус находилась в это время под влиянием идей, неустанно проповедуемых ей Воынским, хотела оказать ему литературную поддержку, но не решилась сделать этого <так в тексте> открыто⁷³. В идейном отношении она никогда не была оригинальна, при всей оригинальности своего значительного и пленительного поэтического дарования. «Символизм прежде всего диаметрально противоположен декадентству, — говорит Гиппиус в этом письме. — Декаденты бегут в “чистое искусство” (без символизма), в звуки, в индивидуализм, который тоже отрицает символизм. Декадентство родилось, стремилось к смерти и умерло, больное и слабое. Декадентство боялось разума, чистоты понимания. Символизм весь в свете разума, в его широком и ясном спокойствии, Символизм не рождался и потому не может умереть. Он был всегда. Он был и в раннем искусстве, в душе художника, — только слишком глубоко, куда еще не хватали лучи сознания. Но душа человека выросла. Сознание стало ярче, лучи его длиннее, и вот мы увидели горизонты, которые были всегда, но которых глаза наши, сквозь тьму и сон, не умели различить. Природа, жизнь, весь мир кажется нам иным, говорит с нами другими словами <в оригинале: голосами. — М.П.>, потому что все явления стали для нас прозрачными, *только символами*, за которыми мы теперь видим еще что-то важное, таинственное, единственно существующее»⁷⁴.

Не надо слишком удивляться тому, что Гиппиус поддалась на время литературному влиянию или, вернее, яркому ораторскому и проповедническому дарованию Волинского. Ведь и Мережковский, как я показала, стал одно время говорить вслед за ним, хотя и со своими оттенками, в свойственном ему аффективно-надрывном тоне об идеализме, о Канте, об отживающем «пошлом» реалистическом искусстве, о символизме, и если прибавил тут же, что Михайловский все-таки очень замечателен своей любовью к народу⁷⁵, то ведь это только так, на всякий случай, из осторожности. Еще гораздо более достойно внимания то обстоятельство, что и у Минского, страшно неустойчивого в своих жизненных ориентировках, но упорно-постоянного в своей идее мэонизма⁷⁶, вечно изнемогающего от «жажды *святынь, которых нет*»⁷⁷, никогда не изменяющего своему культу двойственной красоты, по вопросу о символизме слышались ноты, до некоторой степени созвучные Волинскому, до некоторой степени идеалистические — и уж никак не мэонические. В предисловии своем к драме Метерлинка «Слепые», напечатанном в «Сев. Вестн.» в 94 г.⁷⁸, он рассматривал символизм как примирение противоречий между конкретной природой искусства и обобщающих, рассудочных «стремлений культурного художника»⁷⁹; при этом он впадал в ту же ошибку, которую сделал Мережковский, смешивая понятия типа и символа. В предисловии к драме Метерлинка «Аглавена и Селизетта», напечатанном в «Сев. Вестн.» в 97 г.⁸⁰, он уже далек от этого взгляда на символизм, и хотя нового, более точного определения его не дает, но зато решительно отграничивает его от декадентства. «Не Метерлинк создал символизм, не у него одного символические настроения нашли свое чистейшее выражение <и явились в беспримесном виде>, — говорит он. — Это более не литературное новаторство, не искание редких и сильных ощущений, не дерзкое срывание цветов зла, а действительно новый строй души...»⁸¹. И далее: «...символическая поэзия по самой природе своей должна быть наиболее любвеобильной и нравственной. И действительно, в то время, как ложный символизм декаданса привел к сатанизму черных месс, изображенных Гюисмансом, и к холодным парадоксам О. Уайльда, истинный символизм в лице Ибсена и Метерлинка пришел к тому же, к чему приходили все идеалисты всех времен — к проповеди любви и подвига»⁸². Увы, это внезапно обнаружившееся сродство настроений Минского с тем, что писал Волинский, не помешало ему ровно через год — в ту минуту, когда «Сев. В.» допечатывал свою последнюю тощенькую книжку, — обрушиться на Волинского

в фельетоне «Новостей»⁸³, как за его статьи против Чернышевского и Писарева, которые лучше было бы заменить проповедью Канта и Гегеля, так за его статьи о Леонардо да Винчи, которые, имея целью «сокрушить Ницше и всех его последователей», являлись ни чем иным, как «издалека начатой подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм»⁸⁴. Минский уже не разграничивал более символизма и декадентства.

Итак, если теория символизма у Волынского недостаточно развита и может быть названа скорее общей идеей символического искусства в самом широком смысле этого слова, идеей, почти не связанной с символизмом того времени, [не освещающей характерных для него приемов], то символистические «теории» Мережковского, Гиппиус и Минского нужно считать просто эфемерными. Они тоже не касаются особенностей символизма как определенной литературной «школы», к которой они могли причислить себя, не формулируют ее внутренних принципов, не определяют ее литературных приемов. Что же касается их отношения к декадентству, то если бы не Волынский — вряд ли у них явилось бы желание отмежеваться от него, потому что оно гнездилось в них самих, точно так же, как и в Бальмонте, и в Сологубе, и в других.

Но символисты или декаденты, а вернее всего и символисты и декаденты одновременно, они были живы для литературы своими дарованиями и были новы в ней своими настроениями, поэтическими мотивами и, в значительной степени, формами своего творчества. Они принадлежали своему времени, знаменовали собою культурный сдвиг, только что совершившийся, новый момент в литературной эволюции. Можно и нужно было критиковать их, бороться с тем, что было в них ядовитого и опасного для их творческого развития и для тех, кто должен был прийти вслед за ними, но нельзя было не чувствовать, при всех идеологических и психологических расхождениях, какой-то живой внутренней связи с ними, нельзя было не любить многого из того, что они создавали, нельзя было не радоваться появлению каждого нового таланта, отмеченного духом времени как в своем содержании, так и в поэтических формах, звуках, ритмах. [Легче было нести тяжкое бремя забот, связанных с существованием журнала, когда на страницах его появлялось произведение, подписанное еще ничем не говорящим именем, но обличающее в авторе настоящий талант.]

Уже в 93 г. в редакци<ю> «Северн. Вестн.» впервые прислал стихотворение «Из Шелли» Бальмонт⁸⁵ и принес первую серию стихов Сологуб⁸⁶.

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет.
И светлый холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает...⁸⁷

Такими строками начиналось это первое напечатанное у нас стихотворение Сологуба, за которым последовал ряд других. В конце 94 г. он принес свой замечательный рассказ «Тени»⁸⁸. Иногда он пишет для «Сев. Вестн.» под инициалами наброски с натуры, из общественной жизни⁸⁹, сквозь которые проглядывает его лицо, это странное бледное лицо с умным и тяжелым взглядом светлых глаз, с загадочной усмешкой около сжатых губ. В жизни при встречах он молчалив, неподвижен, и когда заговорит, голос его звучит глухо и монотонно. Но все, что он говорит, это его собственное, вышедшее из его большого ума, из его сложной души, в которой живет что-то больное, жуткое и стыдливо прячется мечта о нежном и прекрасном. Еще в те времена, разговаривая с ним, я инстинктивно чувствовала в нем то, в чем окончательно убедилась много позже, когда в интимной беседе он заметил, что не нужно было бы давать в руки молодежи его тяжелых и больных произведений, а потом, заговорив о классиках, о Шекспире, рассказал, что в ранней юности он всего более любил образ Корделии и в одиночестве потихоньку разыгрывал ее роль...⁹⁰

95 и первая половина 96 года были временем расцвета «Сев. Вестн.» и особенного прилива к нему литературных сил и ценных художественных и поэтических произведений. К нему начинали тянуться как к органу современной молодой литературы, отражающему на своих страницах и литературную жизнь Запада. Из крупных беллетристических произведений печатается ром<ан> Мережковского «Отверженный»⁹¹ и ром<ан> Сологуба «Тяжелые сны»⁹². [В этот же период был напечатан в «Сев. Вестн.» «Хозяин и работник» Толстого⁹³, большая повесть Эртеля «Карьера Струкова»⁹⁴]. Печатаются повести Гиппиус⁹⁵ и особенно характерные для нее стихи «Посвящение» и «Окно мое высоко»⁹⁶.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,

Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
 Не знаю⁹⁷.
 О, пусть будет то, чего никогда не бывает,
 Никогда не бывает.
 Мне бледное небо чудес обещает,
 Оно обещает, —
 Но плачу без слез о неверном обете,
 О неверном обете...
 Мне нужно то, чего нет на свете,
 Чего нет на свете.

К этому же времени относится стихотворение Минского «Портрет», чрезвычайно характерное для него по приемам — действительно портрет, в котором легко было тогда узнать ту, с которой он был написан:

Я долго знал ее, но разгадать не мог.
 Каким-то раздвоением чудесным
 Томила в ней душа. Ее поставил бог
 На рубеже меж пошлым и небесным...⁹⁸

Кроме названных уже поэтов довольно часто печатаются недооцененный, отъединенный Фофанов⁹⁹ и скромный как литературная величина, но подлинный в своем творчестве Льдов¹⁰⁰ — восторженный, неунывающий в своей нищете, влюбленный в Канта, в Пушкина, в Тютчева, вечно «без вина пьяный», как он говорил. Теперь он был увлечен символизмом, и что-то на время изменилось в его собственных стихах — они стали напевнее, образы затуманились, краски смешались. Он бранил декадентов, но увлекался Александром Добролюбовым, с которым они подолгу беседовали о русских классиках. Добролюбов бывал у Вольнского¹⁰¹ вместе с Вл. Гиппиусом и у меня на моих «субботах»¹⁰², где шли иногда до рассвета оживленные разговоры и споры — о Толстом, о Записках Смирновой, о символизме, о Метерлинке¹⁰³, Ницше¹⁰⁴, Уайльде¹⁰⁵, д'Аннунцио. О них писалось и в журнале¹⁰⁶, так же, как об Ибсене¹⁰⁷, Гауптмане, об Арно Гольце и Шлафе¹⁰⁸, позднее — о Гамсуне и его «Пане»¹⁰⁹, о Райнер-Мария-Рильке¹¹⁰ и др. Многие вещи Метерлинка — не только драмы¹¹¹, но и этюды из книги его «Le Trésor des Humbles»¹¹², романы д'Аннунцио¹¹³, «Одинокие» Гауптмана¹¹⁴, отрывки из Рёскина даны были в переводах¹¹⁵. Венгерова писала статьи о П. Верлэне, Блэ<й>ке, Моррисе и его новой Утопии¹¹⁶.

Уже бесконечно далеко<й> от нас, давно прошедшей казалась жизнь 80-ых годов. А между тем руководящие идеи, понятия, умственные привычки и вкусы ее все еще жили в окружающем нас обществе, в журналах, в газетах. Те же темные силы в «Новом Времени», в «Московских Ведомостях» и тот же буржуазный либерализм в «Русской Мысли» и «Вестнике Европы», тот же Михайловский, имеющий теперь собственный журнал¹¹⁷ и по-прежнему являющийся кумиром для тысяч и тысяч стареющих и только что вышедших в жизнь людей. Марксистское движение в русской журналистике¹¹⁸, которое вскоре увело от него целые кадры молодежи, тогда еще только начинало оформляться. И занятая нами позиция — статьи Волынского, посягающие на авторитеты виднейших русских критиков, с одной стороны, символизм с другой стороны, и программная заметка об идеализме и буржуазности, и даже политико-экономические статьи журнала, не приведенные к надлежащему единству за недостатком редакционных сил, но в общем — далекие от старого народничества и принявшие в отношении к экономическим вопросам марксистский уклон, — все это волновало, возмущало, как наглость, вызывало — и со стороны консерваторов, и со стороны прогрессистов — бешеные нападки, издевательства, ругань и клевету¹¹⁹. Создавалась легенда о том, что «Сев. Вестником» руководят негодяи. Доходило до скандалов и невероятных по форме личных оскорблений, о которых не пришлось еще время говорить¹²⁰. Представители интеллигенции ссорились до разрыва отношений, заспорив о «Сев. Вестн.». Одно сочувственное открытое письмо к Волынскому упоминает о людях, которые кричат, что не читают его, так как «понаслышке знают», что его статей «нельзя взять в руки», о людях, которые «бледнея, затыкают уши», когда кто-нибудь сочувственно произносит его имя¹²¹. Произведения новейшей русской и иностранной литературы, начиная с Ибсена, без разбора трактовались как декадентство, как бессмыслица, иногда как оскорбление нравственного и эстетического чувства. Я помню письмо одного [бесплатного] подписчика «Сев. Вестн.», который отказался получать его после того, как в журнале была напечатана в переводе Мережковского новелла Анатоля Франса «Сан-Сатиро»¹²².

Все это не было бы так страшно, если бы не ставило лишних препятствий к добыванию денег, к вечным новым займам, к вечному учету и переучету бесчисленных векселей, что и само по себе является не только непривычным и трудным, но, можно сказать, противоестественным для известного типа людей. В течение 9 лет журнал постоянно находился под угрозой банкротства, [и существование его все время было эфемерным]. И чем больше было врагов

и скандалов, тем труднее было длить его существование. Но было и другое. Были эпизоды, вспоминающиеся почти как фантастика и показывающие, что журнал имел не только врагов, но и горячих приверженцев. [Помню, как одна небогатая стареющая женщина в провинции, — подписчица Сев. Вестн., узнав о его материальных затруднениях, предложила мне приехать к ней в Харьков и получить у нее с рук на руки почти все ее достоянье — 20.000, очистившихся от продажи какого-то хуторка. Я приехала — и она отдала их мне, не пожелав взять расписки. И еще вспоминается — хотя все это было совсем не реально, — как однажды в дни острого кризиса, когда я на рассвете дочитывала корректуры, прилетел ко мне Льдов с удивительным денежным проектом: мы застрахуем его жизнь на большую сумму — и он застрелится, так сказать, в пользу Сев. Вестн.: в Америке будто бы есть страховое общество, выплачивающее и за самоубийц. Выходило солнце. Льдов сидел на подоконнике открытого окна и страстно доказывал мне, что это можно и нужно сделать, потому что отдать свою жизнь ради того, что считаешь истинно важным, — “ведь это так легко и в этом блаженство”...] Пусть это была лишь романтика его пылкого воображения, но и на деле он немало поработал в помощь журналу, просиживая вместе со мною ночи напролет в типографии, когда приходил срок выпуска книжки, или помогая мне, совершенно бескорыстно, нести черную редакционную работу, что было особенно ценно в те периоды, когда Волынский уезжал за границу и вся эта работа оставалась на мне одной.

Были и другие добрые друзья и горячие сторонники у «Сев. Вестн.» — из старых и из молодых. Была целая категория людей с большими именами, которые, не будучи внутренне связаны с журналом и оспаривая многие пункты его программы, почему-то — право, я до сих пор не понимаю, почему, — все же чрезвычайно охотно откликались на приглашение к сотрудничеству, хотя безусловно имели возможность печататься в других, более «солидных», всеми признаваемых журналах, где они к тому же не рисковали бы задержкой гонорара. Книжки «Сев. Вестн» за все годы его существования в новой редакции пестрят именами выдающихся профессоров и ученых. Это прежде всего В.Д. Спасович¹²³, не только дававший в журнал свои статьи, но и страстно защищавший интересы «Сев. Вестн.» в качестве моего третейского судьи, когда столкновения с людьми приводили меня к третейскому разбирательству. Это проф. Трачевский¹²⁴, старый социалист, не очень обстоятельный в своих исторических сочинениях, но очень талантливый, много лет писавший для журнала статьи по иностранной политике и всегда

беспощадно мараемый цензурой. Это проф. Овсяннико-Куликовский, давший журналу длинную серию статей о Тургеневе и Толстом¹²⁵, это Максим Ковалевский¹²⁶, писавший на исторические темы, Алексей Веселовский¹²⁷, Бодуэн-де-Куртене¹²⁸, Шепелевич¹²⁹, писавшие об иностранной литературе, проф. Сергиевич¹³⁰ и Фойницкий¹³¹, рассматривавшие некоторые вопросы права, профессора-естественники — Холодковский¹³², Вл. Вагнер¹³³, Боргман¹³⁴, В. Шимкевич¹³⁵ и многие другие. Они придавали журналу вес в его научном отделе и, быть может, заставляли кое-кого задумываться, точно ли в редакции «Сев. Вестн.» сидят просто наглецы и шарлатаны, как намекали или открыто говорили об этом в печати.]

Во всяком случае, интерес к журналу в обществе возрастал. В 96 г. подписка его увеличилась ровно вдвое против первоначальной, так что — если бы не огромные долги, накопившиеся за прежние годы — она могла бы уже покрывать скромный бюджет «Сев. Вестн.». Но во 2-ой половине 96-го года, когда начальником Главного Управления по делам печати сделался известный реакционер Соловьев¹³⁶, начался по разным поводам систематический разгром журнала: к нему был приставлен в качестве цензора близкий родственник Победоносцева Энгельгардт¹³⁷ с предписанием так или иначе известить его. Началась отчаянная, но слишком неравная борьба, и все дальнейшее существование «Сев. Вестн.» было уже непрерывной агонией. Нужно было усиленно заботиться о том, чтобы и при этом условии он не потерял своей физиономии, не перестал быть органом русской и западноевропейской литературы, — и этого, кажется, удалось в известной степени достигнуть. Банкротство было объявлено в августовско-сентябрьской книжке 1898 г. В последней книжке за этот год, вышедшей только к весне 99 г., Волынский, отвечая на упомянутые уже внезапные нападки нашего соратника Минского, еще раз высказался по вопросу о символистах и декадентах, о связи символизма с идеалистической философией, уверенно предсказывая появление новых литературных сил, «нового высшего искусства, пропускающего через себя свет метафизической истины»¹³⁸.

Насколько оправдались его предсказания — это уже другой вопрос. Во всяком случае, первое десятилетие нового века выдвинуло ряд крупных представителей русского символизма, не чуждых настроениям «Сев. Вестника». Так Блок прямо сказал мне при первом знакомстве, что считает себя во многом обязанным «Северн. Вестнику», которым он зачитывался в гимназические годы¹³⁹. Но с Минским, Мережковским и Гиппиус у нас все уже было порвано. Они вошли в новую полосу мысли и творчества, создали свой

журнал¹⁴⁰. Ни Волынский, ни я туда не приглашались и сами туда не шли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Протокол № 12 от 14 мая 1926 г.¹⁴¹

Присутствовали: Н.К. Гудзий, Л.Я. Гуревич, А.И. Кондратьев, М.А. Петровский, И.Л. Поливанов, Д.С. Усов, Г.И. Чулков¹⁴².

Приглашенные — 10 чел.

Председатель: Н.К. Гудзий Ученый Секретарь Д.С. Усов.

Слушали. <...> 2. доклад Л.Я. Гуревич «Символизм 90-х годов в журнале «Северный Вестник» (тезисы прилагаются).

Тезисы к докладу Л. Гуревич
«Символизм 90-ых годов в журнале «Северный вестник».

1. Литературное движение 90-ых гг. выросло из протеста против настроений и господствующих тенденций 80-ых гг.: против позитивизма в области мысли, против публицистических марок в литературной критике, против выветрившегося народничества в области политики, против гражданственных заданий в художественной литературе и поэзии.

2. Новые веяние, ощущаемые с середины 80-ых гг., выдвинули новые немногочисленные литературные силы, связанные между собою любовью к классическим писателям и поэтам XIX в., недооцененным критикою 60-ых—80-ых гг., и предчувствием наступления новой литературной эпохи.

2. «Северный Вестник», в центре которого, с конца 80-ых гг. стоял Волынский, постепенно собирает вокруг себя эти молодые литературные силы, но не может быть назван их общим органом, потому что, будучи индивидуалистами, они и в дальнейшем не вырабатывают ни общей программы, ни общей тактики в борьбе с отживающими идеями.

4. Для редакции «Сев. Вест.» основным пунктом его программы являлся критический идеализм. С ним связаны были и другие пункты программы: а) в области литературы и искусства — борьба за свободное творчество, не ограниченное никакими утилитарными

заданиями, б) в области критики — борьба с публицистическими мерилami ее; в) в области практической жизни — требование свободы человеческой личности и социального равенства, т.е. борьба с буржуазным строем.

5. Борьба за свободное художественное творчество на почве идеалистической философии естественным образом приводит к защите символизма как прямой противоположности натурализма, опирающегося на позитивную философию.

6. Теоретиком символизма в «Сев. Вестн.» является с 1892 г. Волынский, который постепенно расширяет понятие символического искусства, распространяя его на все органические художественные произведения, отражающие «мир в его явлениях».

7. Проповедуя символизм, «Сев. Вестн.» в лице Волынского ведет решительную борьбу со всеми проявлениями декадентства, не щадя и ближайших сотрудников журнала, причисляющих себя к группе символистов.

8. Первые русские символисты-декаденты, группирующиеся около «Сев. Вестн.», представляют собою психологическое и литературное явление, создавшееся помимо влияния западно-европейского символизма-декадентства.

9. Программа «Сев. Вестн.» позволяет редакции в первые же годы существования журнала привлечь к участию в нем крупных писателей старшего поколения — Льва Толстого, Лескова, Полонского, которые печатаются рядом с поэтами-символистами.

10. В отделе иностранной литературы «Сев. Вестн.» отражает по возможности все наиболее характерные явления западно-европейского символизма.

11. Совершающаяся в журнале «переоценка ценностей» в области художественной литературы, поэзии и критики, при «крайне левом» направлении в политике, навлекает на журнал вражду всех органов печати, как прогрессивной, так и консервативной, а также систематические гонения цензуры.

12. Интерес к «Сев. Вестн.» и к новой литературе в обществе постепенно растет, что выражается в цифрах подписки. Банкротство журнала является результатом цензурного разгрома.

Н.К. ГУДЗИЙ находит, что доклад Л.Я. Гуревич дает мемуарный материал, ценный и по субъективным, и по объективным признакам. Московский символизм по существу был *декадентством*, принципиально отличающимся от символизма петербургского. Отмечая эпизод мистификации З.Н. Гиппиус как характерный для

90-х годов, оппонент интересуется случаями непринятия в «Северном Вестнике» произведений некоторых поэтов; так, напр., там были отвергнуты стихи Брюсова, о чем сохранилось его письмо¹⁴³. Дальнейшее существование «Сев. Вестника» могло бы обеспечить ему видную роль в судьбах русского символизма. Не вполне понятны причины цензурных нападков на «Сев. Вестник». Затем интересно знать, почему С<офья> А<ндреевна> протестовала против Толстого в «Северном Вестнике».

Доклад Л.Я. Гуревич вновь прорабатывает и углубляет все, что было намечено в известной статье Л.Я. Гуревич о «Северном Вестнике» в «Истории русской литературы XX в.» под ред. С.А. Венгерова.

А.И. КОНДРАТЬЕВ — интересуется отношением «отмалчивавшихся» писателей, не объединенных «Северным Вестником», к журналу.

И.Л. ПОЛИВАНОВ — были бы интересны более точные 1) детали отношения Энгельгардта как цензора к «Северному Вестнику», 2) подробности отношения Я.П. Полонского к «Сев. Вестнику» *после* его привлечения в Главное Управление по делам печати.

М.А. ПЕТРОВСКИЙ — возбуждает вопрос об отношении Владимира Соловьева к «Северному Вестнику».

Л.Я. ГУРЕВИЧ — Цензура возмущалась на то, что журнал отвлекал ряд заметных лиц от привычных органов, не проводя при этом никакой неприемлемой для цензуры идеологии, а наоборот — отдавая внимание вопросам религиозным и т.д.

Восьмидесятые годы были годами исключительного культурного удущья; полная несостоятельность еще недавно почитавшихся принципов и позиций стала совершенно явственной.

Я. Полонский был в это время на полном ущербе физических сил и о возможности каких-либо активных выступлений в пользу «Сев. Вестника» с его стороны трудно говорить.

Цензурство Энгельгардта выражалось в том, что он автоматически через гранку зачеркивал корректуры «Северного Вестника» — даже не пером, а палкой, обмакнутой в красные чернила; задерживал корректуры так, что они пропадали; был случай, когда он бросил корректуру в лицо издательнице; по этому поводу она была вынуждена обратиться к Горемыкину¹⁴⁴.

На вопрос Н.К. Гудзия о причинах нелюбви С.А. Толстой к «Северн. Вестнику» докладчица отвечает, что С.А. Толстая была женщиной корыстной. Сохранилось ее письмо, где она просила «в виде взятки» лишние экземпляры корректур «Хозяина и Работника». Л.Н. Толстой застал жену за тем, что она пыталась послать этот текст

Сытину для издания. Между ними разыгралась тяжелая сцена, затем Л.Н. запер этот текст, она взломала замок и т.д.¹⁴⁵ С.А. старалась сблизиться с издательницей, чтобы отвести ее от Л.Н., читала одно свое произведение «антикрейцеровского» содержания¹⁴⁶, говорила, что Л.Н. был великим человеком до 80-х годов, говорила о тяжелых отношениях между ними в начале их супружеской жизни и т.д.

Владимир Соловьев отрицательно относился к А.Л. Волынскому за его резкое отношение к русским критикам¹⁴⁷.

Издательница имела живую беседу с Вл. Соловьевым по этому вопросу, объясняла истинность позиции Волынского, который никогда не оскорблял памяти критиков (напр., Белинского), но считал нужным считаться с ними как с живыми в их влиятельном критическом слове.

<явочный лист заседания:>

М. Петровский, Ник. Гудзий, Люб. Гуревич, А. Кондратьев, Ив. Поливанов, Д. Усов, Таудлина <?>, В. Любимова¹⁴⁸, В. Измайльская¹⁴⁹, Соловьева, Л. Кулакова <?>, О. Ляпунова, Кононова, А. Штейнберг¹⁵⁰.

¹ Первоначальное заглавие: «Символизм 90-х г.г. в журнале “Северный вестник”».

² Л. Гуревич училась в частной женской гимназии княгини А.А. Оболенской; в 1870–1901 г.г. гимназия размещалась на Средней Першпективе, 16 (ныне ул. Маяковского, начинается от Невского проспекта и проходит до ул. Кирочной).

³ Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880), народовец, в феврале 1880 г. совершил покушение на министра внутренних дел Лорис-Меликова (Лорис-Меликов Михаил Тариелович, граф; 1825–1888), в 1880 г. назначенного главным начальником «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». 21 февраля военный суд приговорил Млодецкого к смертной казни, 22-го он был казнен.

⁴ Неточные цитаты из воспоминаний Вересаева, см. главу «В студенческие годы» [9, с. 262, 264], а также главу «Н.К. Михайловский» [9, с. С. 353]; очерк «Н.К. Михайловский» впервые (под заглавием «Редактор») опубликован в сборнике «Литературные отклики» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1923).

⁵ Отсылка к полемике А. Волынского и Н.К. Михайловского, возникшей в связи с публикацией в «Северном вестнике» статьи «Талант и “искра Божия” — о романе Михайловского “Карьера Оладушкина”» (1891. № 1. Отд. II. С. 150–157), в которой Волынский с позиции «новой мозговой линии» дал оценку литературной деятельности «главного» критика. Михайловский ответил статьей, содержащей уничижительные выпады против Волынского — «детский зуд, легкомысленная жажда сказать новое слово, хотя бы за душой ровно ничего не было» и т.п. (Русские ведомости. 1891. № 25. 26 янв. С. 2–3; цикл «Разные разности»). Продолжая «атаку», Волынский заявил оппоненту: «Праздные вопросы, столь нелюбимые г. Михайловским, все без исключения принадлежат к числу не только старых, и даже древних слов, — и именно философское разногласие по поводу этих, а не каких-либо новых вопросов, я признаю слишком серьезным и важным, чтобы обходить его даже в настоящее очень тяжелое время... Вопросы, вечно волнующие человека,

суть вопросы праздные. Сократ, Платон, Спиноза, Кант — люди праздного ума и праздного дела. <...> нет, не сильна та логика, которая должна привести к таким печальным мыслям, незавидно то знание, которое лучших людей мира объявляет людьми праздного дела и праздных вопросов...» (Ответ г. Михайловскому // СВ. 1891. № 2. Отд. II. С. 161–163).

⁶ Высказывание Николая II относительно планов ограничения царской власти конституцией, прозвучавшее на приеме земских deputаций 17 января 1895 г. Фраза получила широкую известность и муссировалась либеральной печатью из-за допущенной Николаем II оговорки, в предварительном составленном тексте речи было: «беспочвенные мечтания».

⁷ Давыдова Александра Аркадьевна (1848–1902) — журналистка, жена известного виолончелиста, директора Петербургской консерватории К.Ю. Давыдова, хозяйка либерального салона; исполняла обязанности секретаря «Северного вестника» при А.М. Евреиновой; с 1892 г. издавала журнал «Мир Божий». В архиве Гуревич хранятся 18 писем к ней Давыдовой (1890–1893): ИРЛИ. № 19890, 19891.

⁸ Поэма Н. Минского «Гефсиманская ночь» (1884), запрещенная к печати Комитетом духовной цензуры и ходившая в бесчисленных списках, была опубликована в «Пушкинском сборник» (СПб., 1899), под заглавием «Искушение».

⁹ *Минский Н.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 189. «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» (1886) получило широкую известность; по мнению Блока, «...это стихотворение Минского и немногие ему подобные могут быть поставлены наряду с лучшими стихами его современников — Фофанова, Мережковского, Гиппиус: ведь “жажда святых, которых нет” — лозунг целой большой эпохи...» (*Блок А.* Письма о поэзии I. Холодные слова // Золотое руно. 1908. № 7/9. С. 97).

¹⁰ Имеется в виду статья Н. Минского «Старинный спор» (Заря. 1884. № 193. 29 авг. С. 1). Подробнее см.: [27, с. 150–161]. Михайловский в статье «Заметки о поэзии и поэтах» (март 1888) порицал Минского и И. Ясинского, инициировавших полемику в «Заре», за эстетизм и отказ от идеалов общественного служения (*Михайловский Н.К.* Собр. соч. СПб., 1897. Т. 6. С. 590–610).

¹¹ Первая большая научная работа Вольтинского «Теолого-политическое учение Спинозы», написанная под руководством О.Ф. Миллера в университетском научном обществе, была опубликована в 1885 г. (Восход. № 10 – № 12).

¹² «Восход» — еврейский журнал на русском языке, основанный А.Е. Ландау, выходил в Петербурге в 1881–1906 гг. Ранние работы Вольтинского были посвящены еврейской тематике и печатались в русско-еврейских журналах «Рассвет», «Русский еврей» и «Восход»; он был автором и одним из редакторов антологии «Палестина» (СПб., 1884). См.: [7, с. 83–84]. Обзор публикаций этого периода см.: [40, с. 18–30].

¹³ Евреинова Анна Михайловна (1844–1919) — юрист, доктор прав Лейпцигского университета, публицистка, в 1885–1889 гг. издавала журнал «Северный вестник», в котором печатались народники во главе с Н.К. Михайловским.

¹⁴ СВ. 1889. № 7, № 9 — № 12.

¹⁵ Речь идет о статьях А. Вольтинского «Вильгельм Вундт. Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни» (СВ. 1889. № 5); «Критический обзор главнейших произведений Вильгельма Вундта» (Там же. 1890. № 1 — № 5).

¹⁶ Грот Николай Яковлевич (1852–1899) — философ-идеалист, с 1887 г. председатель «Психологического общества», в 1889 г. основал журнал «Вопросы философии и психологии» и возглавлял его с 1889 по 1896 г. Статья Грота «Что такое метафизика» опубликована: Вопросы философии и психологии. 1890. Год 1. Кн. 2. С. 107–128. В недатированном письме к Гуревич Вольтинский писал: «Вам интересно будет узнать, что г. Грот просит меня принять участие в его журнале. Он будет “особенно рад” моему сотрудничеству, он “много слышал” обо мне и будет мне “весьма признателен” и т. д. Что ж! превосходно! Неправда ли? О Канте!! (Письмо его покажу Вам при встрече)» (ИРЛИ. № 19858. Л. 12). Грот опубликовал в своем

журнале статью Волинского «Нравственная философия гр. Л. Толстого» (1890. Кн. 5. Ноябрь. С. 26–45), позднее статья была напечатана в «Северном вестнике» (1891. № 10. Отд. I. С. 185–215).

¹⁷ Имеется в виду заметка Волинского «Талант и искра Божия» о романе Н.К. Михайловского «Карьера Оладушкина» (СВ. 1891. № 1. Отд. II. С. 150–157), см. примеч. 5. Отметим вклад Михайловского в отечественную критику, публицистику, общественную философию, Волинский вместе с тем сделал в его сторону выпад: «Михайловский не прокладывал своих оригинальных путей — его литературный талант очень рельефно и эффектно обрисовался в том ярком освещении, в котором шумно играла и разливалась волна прошедшей жизни, и потому не воспринимает новизны — “целый ряд запросов и вопросов, на которые нет ответа в талантливейших произведениях былых авторитетов”» (С. 151–152). Полемику с Михайловским на страницах «Северного вестника» Волинский продолжил в заметках: «Ответ г. Михайловскому» (1891. № 3. Отд. II. С. 161–163), «Философия самоотречения. Несколько слов о г. Михайловском» (1892. № 6. Отд. II. С. 171–179), «Итог моих пререканий с г. Михайловским» (1892. № 10. Отд. II. С. 148–152); «Г. Михайловский и его рассуждения о русской литературе» (1894. № 4. Отд. II. С. 98–122).

¹⁸ З. Гиппиус дебютировала в декабрьской книжке «Северного вестника» за 1888 г. двумя стихотворениями («Я помню аллею душистую...», «Осенняя ночь и свежа и светла...», подпись: З.Г.). Мережковский сотрудничал в журнале с 1884 г. (при Михайловском). В 1890 г. супруги отстранились от «Северного вестника», выражая своего рода протест против экстремистских нападков Волинского на Михайловского и «шестидесятников». Будучи солидарными с Волинским идеологически (по отношению к позитивистской критике), они не желали быть причастными к разразившейся между оппонентами полемике, принявшей некорректные формы. Мережковский полагал, что атака Волинского на Михайловского «скомпрометировала и его самого как сотрудника дерзкого редактора», из-за чего он станет изгоем в либеральных журналах [40, с. 174].

¹⁹ О постепенном вытеснении из журнала литературного «балласта» см.: [21, с. 76–85].

²⁰ СВ. 1896. № 1. Отд. I. С. I–VI.

²¹ Гуревич пересказывает основное содержание написанной в соавторстве с Волинским программной заметки «Идеализм и буржуазность», цитируя пассажи неточно или близко к тексту оригинала.

²² Примечание Л.Я. Гуревич: «См. “Литературные заметки”, кн. III 91 г., кн. II 92 г., кн. VI 92, кн. X 94 г. и др.». — Имеются в виду опубликованные в «Северном вестнике» рецензии и заметки Волинского: «История шестидесятих годов, Н.Н. Шелгунов. — Соч. Н.Н. Шелгунова, в 2 томах с портретом автора и вступительной статьей Н. Михайловского. Ответ г. Михайловскому» (1891. № 3. Отд. II. С. 147–163); «“Смена”, ром. А.И. Эртея. — “Рассказы” Каронина. — “Учитель жизни”. Несколько слов о г. Потапенко» (1892. № 2. Отд. II. С. 144–172); «Письмо в редакцию. Ответ анонимной корреспонденции, упрекавшей А.Л. Волинского в том, что он слишком “холодно относится к шестидесятым годам и деятелям этой эпохи”» (1894. № 10. Отд. II. С. 86–88).

²³ Эту мысль Волинский развивал в статье «Ошибки реалистической эстетики» (СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 152–159) и др.

²⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Литер. Заметки. III 1895 г.». — Неточная цитата из статьи Волинского «Репин и Ге» (СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 275).

²⁵ Примечание Л.Я. Гуревич: «Литер. Заметки, кн. VII 1892 г.». — Цитата из заметки Волинского «Проблески эстетического идеализма в ст<атье>» кн. Волконского о художественном наслаждении и художественном творчестве» (СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 145).

²⁶ Примечание Л.Я. Гуревич. «Лит. зам., X, 1892». — Неточная цитата из заметки Волинского «Очерки Гоголевского периода. Белинский и Гоголь» (СВ. 1892. № 10. Отд. II. С. 138).

²⁷ Нигилистический императив, провозглашенный Ф. Ницше в 1888 г. в работах «Антихрист. Проклятие христианству» и «Ессе Нотом».

²⁸ В «Северном вестнике» были опубликованы материалы А.И. Герцена, собранные Е.С. Некрасовой в то время, когда имя писателя было еще под цензурным запретом, см.: *Некрасова Е.* 1) Связка писем А.И. Герцена. 1838–1840 гг. <Переписка с женой Н.А. Герцен> (1894. № 7 — № 8); 2) Юношеские литературные труды Герцена. (На основании напечатанной части «Переписки») (1895. № 9); 3) Из интимной переписки А.И. Герцена (1895. № 12); *Тучкова-Огарева. Н.* Воспоминания об А.И. Герцене (1896. № 2). В архиве Гуревич сохранились пять писем Некрасовой (1891–1895): ИРЛИ. № 20018.

²⁹ Роспись раздела «Литературные заметки» см.: [7, с. 85–91].

³⁰ Статьи Волинского по истории русской критики, печатавшиеся в «Северном вестнике» в 1893–1896 гг. (о В.Г. Белинском, А.Н. Добролюбове, Н.Г. Чернышевском, Д.И. Писареве, журналистике 1860-х гг., В. Майкове, А. Григорьеве, Н.К. Михайловском и др.), составили книгу Волинского «Русские критики» (СПб.: Тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1896). Аналитический очерк о «Русских критиках» представлен в монографии Е.Д. Толстой: [40, с. 135–171].

³¹ Стихи Я.П. Полонского довольно часто появлялись на страницах «Северного вестника», в их числе большая поэма «Мечтатель», печатавшаяся в двух номерах (1893. № 2, № 3). Полонский и редакторы журнала относились друг к другу с обоюдной симпатией, см., например, восторженную заметку Волинского «Фантазия и поэтическое творчество Полонского. Публицистические отголоски в некоторых его стихах» (СВ. 1896. № 8. Отд. I. С. 271–276). В архиве Гуревич сохранились письма Полонского 1892–1896 гг. (19 писем: ИРЛИ. № 20048; 13 писем: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. № 253); четыре письма 1892–1894 гг. она опубликовала в подборке «Из архива “Северного вестника”»: Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники. Пг., 1915. С. 95–98.

³² См.: *Л.Г. [Л. Гуревич.]* Личные воспоминания о Н.С. Лескове (Из дневника журналиста) // СВ. 1895. № 4. Отд. II. С. 64–68. Письма Гуревич к Лескову опубли. В.А. Тунимановым: [33, с. 94–106].

³³ Волинский напечатал в «Северном вестнике» цикл статей о Лескове (1897. № 1 — № 5), отд. изд. «Н.С. Лесков: Критический очерк» (СПб., 1898); Пб.: Эпоха, 1923. Книга была полемически заострена против народнической критики, осуждавшей Лескова за его общественную и литературную позицию. Подробнее см. в статье и коммент. В.А. Котельникова: [29, с. 26–29, 443–444].

³⁴ Очерк Лескова «Вдохновенные бродяги. Удаленные “сказки”» опубликован в октябрьской книжке «Северного вестника» за 1894 г. (№ 10); ранее Лесков напечатал в журнале статью «Литературный вопрос» — о завещании И.А. Гончарова (1892. № 6) и святочный рассказ «Пустоплясы» (1893. № 1).

³⁵ В письме к Гуревич от 2 июля 1892 г. Лесков сообщал: «О намерении Вашем побывать в Ясной Поляне скажу, что это хорошо: Л.Н. человек преполезный, но я знаю, что он болен, и пот. не решаюсь ему писать о Вашем намерении, а пишу об этом графине Софье Андреевне, и письмо черновое посылаю Вам, чтобы Вы знали, что я о Вас писал» (впервые: Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники. С. 93). О поездке см.: *Гуревич Л.* Из воспоминаний о Л.Н. Толстом // Гуревич Л. Литература и эстетика. М.: Русская мысль, 1912. С. 276–294, перепеч.: [22, с. 41–48]. См. также две новонайденных мемуарных записи Гуревич о поездках к Толстому: [3].

³⁶ О сотрудничестве Л. Толстого с редакцией журнала см.: [21, с. 92–100; 40, с. 86–118].

³⁷ СВ. 1893. № 9. Отд. I. С. 281–304.

³⁸ Примечательны в этой связи письмо Волынского к Толстому от 5 мая 1894 г., в котором он поднимает вопрос о религиозности современного общества и о взаимосвязи иудейства и христианства, а также ответ ему Толстого, см. также: [19, с. 299–300].

³⁹ Дневник Амиэля / Перевод с франц. М.Л. Толстой, под редакцией и с предисловием Гр. Льва Толстого // СВ. 1894. № 1 — № 7.

⁴⁰ «Хозяин и работник» был напечатан в мартовской книжке «Северного вестника» за 1895 г. (№ 3). Кроме того, Толстой опубликовал в журнале притчу «Суратская кофейня» (1893. № 1), сказку «Карма» — переложение одноименной буддийской легенды американского писателя П. Каруса, и письмо-приложение к ней (1894. № 12); статью «Религия и нравственность», которая из цензурных опасений была напечатана под заглавием «Противоречие эмпирической нравственности» (1895. № 1), предисловие к переводу С.Л. Толстого (сына) статьи Э. Карпентера «Современная наука» (1898. № 10). Однако отношения Толстого с «Северным вестником» имели и неприятную для него сторону, о чем он сообщал в письме Д.П. Маковецкому от 17 дек. 1897 г.: «Что же касается до предисловия к Карпентеру, то оно было для меня причиной больших неприятностей. <...> Жена страдает какой-то странной ненавистью, ревностью к Гуревич. — Это началось со времени напечатания там Хоз[яина] и Раб[отника]» [41, с. 216]. Подробный очерк отношений Толстого с «Северным вестником» см.: [21, с. 105–121].

⁴¹ Бирюков Павел Иванович (1860–1931) — писатель, общественный деятель, один из руководителей толстовского издательства «Посредник»; биограф Л.Н. Толстого. В архиве Гуревич сохранилось 7 писем Бирюкова (1893–1894, 1911): ИРЛИ. № 19812.

⁴² В письме к Гуревич <1891> Волынский напутствовал ее: «Соловьева ласкайте, сколько возможно. Это наш союзник в хорошем смысле слова. С ним мы могли бы работать с успехом на общую пользу, особенно, если он отрешится от своих приспособительных тенденций. Я думаю, что предполагаемые им общественные заметки не будут опасны с точки зрения цензуры. В настоящее время Соловьев пользуется расположением очень сильных людей и в цензурном ведомстве, и без крайней надобности Коссович на статьи Соловьева налегать не станет» (ИРЛИ. № 19858. Л. 4 об. Упомянут Коссович Смарагд Игнатьевич (1895–1898) — председатель Петербургского цензурного комитета). Волынскому, как установил П.В. Куприяновский, принадлежал неподписанный благожелательный отзыв о стихах Вл. Соловьева (СВ. 1891. № 6. Отд. II. С. 110–112). Соловьев напечатал в «Северном вестнике» несколько стихотворений (1892. № 7, № 9, 10); статьи «Наш грех — наша обязанность» (1891, № 10); «Враг с Востока» (1892. № 7). Впоследствии он отстранился от журнала из-за агрессивной позиции Волынского по отношению к либеральной журналистике. Волынский поместил в «Северном вестнике» резкий критический отзыв о статье Соловьева «Смысл войны» (1895. № 10. Отд. II. С. 62–63), полемическую заметку «Соловьев о Тютчеве. — Демонизм» (1896. № 7. Отд. II. С. 228–232) и рецензию на книгу Вл. Соловьева «Оправдание добра» (1897. № 11. Отд. I. С. 289–297), в которой между прочим заявил: «Именно религиозного духа в книге Г. Соловьева нет» (С. 294); статьи вошли в книгу Волынского «Борьба за идеализм» (СПб., 1900. С. 437–453). См.: *Межуев Б.В.* Аким Волынский и Вл. Соловьев // Соловьевские исследования. 2007. Вып. 14. С. 194–212. Восемь писем Вл. Соловьева к Л. Гуревич (1891–1892) были опубликованы ею: Бодрое слово 1909. № 1.

⁴³ А.П. Чехов успешно сотрудничал в «Северном вестнике» А.М. Евреиновой (в 1888–1889 гг. опубликовал в журнале «Степь», «Огни», «Именины», «Скучная история», «Иванов»). Гуревич и Волынский получили от Чехова рассказ «Жена» (СВ. 1892. № 1). Впоследствии отношения разладились, обещанный «Северному вестнику» под взятый аванс рассказ «Палата № 6» Чехов напечатал в «Русской мысли», куда отдал и другие объемные вещи — «Рассказ неизвестного человека» и путевые записки «Остров Сахалин»; аванс Гуревич попросила вернуть под уплату долгов «Северного вестника». См.: письмо Чехова Гуревич от 2 декабря 1891 г.

[44, т. 4, с. 309–310] и от 28 июня 1893 г. [44, т. 5, с. 213–214], впервые: Русская мысль. 1909. № 12. Волинский не раз писал в «Северном вестнике» о рассказах и повестях Чехова: 1892. № 1. Отд. II. С. 177–181 («Дуэль»); 1893. № 5. Отд. II. С. 130–141 («Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека»); 1898. № 10–12. Отд. II. С. 198–206 («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «По делам службы», «Новая дача»). Признавая несомненный художественный дар Чехова, Волинский в привычной для него критической манере нередко высказывал резкие немотивированные замечания, например: «Это смелые наброски многого, но неглубокого художника, это проблемы симпатичного таланта, страдающего скудостью идей, замыслов, с небольшим запасом наблюдений в определенном направлении, без широкой психологической перспективны»; «Идея палаты нам кажется всяюю и фальшивою» (о «Палате № 6»), «Ничего не объяснено, не мотивировано, но драма построена фальшиво, произвольно, туманно. <...> от всего рассказа веет ограниченность знаний, неподготовленность, а, может быть, и неспособность к широкому и вдумчивому анализу русской жизни» (о «Рассказе неизвестного человека») (СВ. 1893: № 5) и т.п. Об истории взаимоотношений см.: [40, с. 218–247: 21, с. 86–91].

⁴⁴ Беллетрист Михаил Нилович Альбов (1851–1911) в 1891–1894 гг. занимал должность редактора «Северного вестника», редакторская работа его тяготила, по обоюдному согласию с Гуревич и Волинским он вышел из редакции, с августа 1894 г. его место официально заняла Гуревич [21, с. С. 38–39]; в «Северном вестнике» Альбов опубликовал рассказы «Тоска» (1890. № 10 — № 12), «В тихих водах» (1891. № 5–6), «Сороковой бес» (1893. № 12). Гуревич оставила теплые воспоминания об Альбове и их совместной работе в «Северном вестнике», см. очерк-некролог «Альбов. Характеристика» в кн. Гуревич «Литература и эстетика» (М.: Русская мысль, 1912. С. 302–312). Сохранились 18 писем Альбова к Гуревич за 1891–1909 гг.: ИРЛИ. № 19781; 4 письма (1891–1892 гг.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 86.

⁴⁵ Речь идет о романе Александра Ивановича Эртеля (1855–1908) «Карьера Струкова» (СВ. 1895. № 2, 1896. № 1 — № 3; № 5 — № 6). Волинский опубликовал в журнале рецензию на роман Эртеля «Смена» (Вестник Европы. 1891): СВ. 1891. № 2. Отд. II. С. 156–159. О взаимоотношениях Эртеля с редакцией см.: [21, с. 83–84; 11, с. 10–11].

⁴⁶ Основные публикации Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912) в «Северном вестнике»: повесть «Верный раб» (1891. № 7– № 8), очерк «Платина» (1891. № 10 — № 12), роман «Золото» (1892. № 1 — № 6); Волинский поместил в журнале сочувственную, в целом, рецензию на повесть Мамина-Сибиряка «Братья Гордеевы» (1891. № 11. Отд. II. С. 126–131). В архиве Гуревич сохранились 10 писем Мамина-Сибиряка (1891–1892 гг.): ИРЛИ. № 19995.

⁴⁷ В. Микулич (Лидия Ивановна Веселитская, 1857–1936) опубликовала в «Северном вестнике» повести «Зарницы» (1894. № 1 — № 4) и «Черемуха» (1898. № 1 — № 2); перевела с французского «Записки» О.А. Сенриной-Россет (см. примеч. 50). Волинский отметил в журнале пространный рецензией ранний роман Микулич «Мимочка на водах» (1891. № 4. Отд. II. С. 147–163); дал положительный отзыв о ее прозе в статье «Современная русская беллетристика» (1896. № 2. Отд. II. С. 335–336). В архиве Гуревич сохранились 7 писем В. Микулич (1892–1894, 1938 гг.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 101.

⁴⁸ См.: [21, с. 76–85].

⁴⁹ 5 марта 1896 г. М. Горький послал в редакцию «Северного вестника» рассказ «Обман» (опубликован не был), сопроводив его письмом: «Послать рассказ вам меня побуждает статья Волинского и Гуревич, — я не думаю, что вы напечатаете рассказ, но мне было бы крайне важно знать ваше мнение о нем» (цит. по: [21, с. 127]). Горький напечатал в журнале очерк «Озорник» (1897. № 8), рассказ «Мальва» (1897. № 11, № 12); повесть «Варенька Олесова» (1898. № 3 — № 5). В последнем выпуске журнала Волинский поместил развернутую положительную рецензию на книгу Горького «Очерки и рассказы» (СПб., 1898): СВ. 1898. № 10–12. Отд. II. С. 206–212.

⁵⁰ В 1893 г. Ольга Николаевна Смирнова (1834–1893) — дочь Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809–1882), при содействии Л.Я. Гуревич опубликовала в «Северном вестнике» воспоминания матери — «Записки А.О. Смирновой» (отд. изд.: СПб., 1895); после смерти О.Н. Смирновой публикация была приостановлена на полгода (в связи с установлением права наследования), затем возобновлена. Сомнения в подлинности мемуаров высказывали С.А. Венгерова, П.Е. Щеголев, В.Д. Спасович, В.В. Сиповский и мн. др.; исследователи пришли к выводу, что текст является результатом сотворчества матери и дочери Смирновых. См. статью Е.И. Анненковой: [37, с.684].

⁵¹ См.: [26, с. 230]. Очерк «Пушкин» впервые был напечатан в 1896 г. в сборнике «Философские течения русской поэзии», составленном П. Перцовым, затем в книге Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897).

⁵² Литературные характеристики Н. Минского и З. Гиппиус начала 1890-х гг., составленные Гуревич, см.: [38, с. 100–125].

⁵³ Первое знакомство с драматургией Ибсена в «Северном вестнике» состоялось в 1891 г., в июльском номере журнала была напечатана драма «Гедда Габлер» (1891. № 7) в переводе П. Ганзена. Вслед затем Н. Минский опубликовал в журнале очерк «Генрих Ибсен и его пьесы из современной жизни» (1892. № 9. Отд. I. С. 75–102; № 10. Отд. I. С. 65–100); позднее он выпустил книгу «Генрих Ибсен. Его жизнь и литературная деятельность» (СПб.: Общественная польза, 1897); ему принадлежит статья об Ибсене в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (СПб., 1894. Т. 24. С. 746–748).

⁵⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Русск. Литер. XX в. под ред. Венгерова». — Цитата из «Автобиографии» З. Гиппиус [35, с. 176].

⁵⁵ Мережковский опубликовал в «Северном вестнике» перевод поэмы Э. По «Ворон» (1890. № 11. Отд. I. С. 188–194). Его переводы из Бодлера впервые были напечатаны в журнале «Изящная литература» (1884. № 10); см.: [15, с. 305–323, 431–445].

⁵⁶ Имеется в виду биографический очерк «Шарль Боделэр» <так> и переводы из «Цветов зла» П.Ф. Мельшина-Якубовича (СВ. 1890. № 12. Отд. I. С. 201–222; 1891. № 4. Отд. I. С. 105–110); его же очерк «Могила Бодлэра» (СВ. 1897. № 2. Отд. I. С. 169–172; подпись: *Библиофил*). Будучи политкаторжанином и затем ссыльным, поэт был вынужден печатать переводы без подписи или под псевдонимом. В 1909 г. книга бодлерианы Мельшина-Якубовича вышла в издательстве «Общественная польза».

⁵⁷ Примечание Л.Я. Гуревич: «Статья эта напечатана в Сев. Вест. в 1893 г., кн. VIII, под скромным заглавием “Несколько слов о декадентах”». — Статья имеет подзаголовок «Бодлэр, Верлен, Маллармэ, Рембо» (Отд. I. С. 191–205). В архиве Гуревич сохранились 3 письма Александра Степановича Усова за 1893 г.: ИРЛИ. № 20124; письмо Гуревич к нему 1889 г.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 79. Как *Алексей Сергеевич* Усов прокомментирован в: [36, с. 539]. В журнале также была напечатана статья Зин. Венгеровой «Поль Верлен» (СВ. 1896. № 2. Отд. I. С. 271–287).

⁵⁸ *Венгерова З.А.* Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. Отд. I. С. 115–143.

⁵⁹ Волконский Сергей Михайлович, кн. (1860–1937) — театральный деятель, критик, мемуарист, директор Императорских театров (1899–1901). Упомянутая статья была публично прочитана Волконским 2 мая 1892 г., опубликована: Вестник Европы. 1892 г. Кн. 6: Июнь. С. 651–701.

⁶⁰ *Вольнский А.* Проблески эстетического идеализма в ст<атье> кн. Волконского о художественном наслаждении и художественном творчестве // СВ. 1892. № 7. Отд. II. С. 147, 148.

⁶¹ Переделанная цитата, см.: *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1893. С. 46; [26, с. 461].

⁶² Там же. С. 42; [26, с. 458].

⁶³ Цитата из рецензии А. Вольнского на книгу Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (СВ. 1893. № 3. Отд. II. С. 134). Сосредоточившись на полемическом пуанте рецензии, Гуревич умолчала о некорректных высказываниях Вольнского о книге Мережковского, например: «Это какое-то приторно-слащавое красноречие с рыхлыми, бессильными периодами, с бесцветным содержанием, с искусственным экстазом в приподнятых фразах, раздражающих слух, как вопли, крики и слезы поддельной истерики. Присмотритесь к этим ходульным эффектам, к которым прибегает г. Мережковский, и вы поймете, что перед вами писатель без глубоких настроений, с вымученными фальшивыми фразами на возвышенные темы, для которых нужен талант, ум, нужна внутренняя свобода, светлость души и чувства» (С. 108), и т.п. Отчасти подобный отзыв был спровоцирован Мережковским, который порицал Вольнского за его выпады против Михайловского и суды над русскими критиками и писателями, за сухость языка.

⁶⁴ Примечание Л.Я. Гуревич: «Аполлон, № 8 за 1910 г.». — Приводим контекст цитаты из статьи Вяч. Иванова «Заветы символизма» по журнальной публикации: «Не надо желать быть “символистом”; можно только наедине с собой открыть в себе символиста — и тогда лучше всего постараться скрыть это от людей. Символизм обаявает. Старые чеканы школы истерлись. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности» (С. 20).

⁶⁵ Примеч. Л.Я. Гуревич: «Литерат. Заметки, 1896, кн. XII, гл. II. — См. также заметку, написанную на ту же тему и в том же смысле под заглавием “О символизме и символистах” в последней X–XII книжке Сев. Вестн. за 98 г., вышедшей с запозданием в начале 99 г.».

Итоговая статья Вольнского «О символизме и символистах», на которую ссылается здесь Гуревич, по иронии судьбы или злой воле автора, была напечатана на последних страницах последнего выпуска «Северного вестника» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 216–225). Вольнский по сути констатирует здесь завершение исторической миссии журнала, давшего площадку «декадентам и символистам» («Сами они провозглашают себя символистами. Публика называет их декадентами»; «Они хотели бы быть символистами, но, постоянно надрываясь в придумывании необычайных красок и в алхимических поисках за несуществующими настроениями, они все более удаляются от строгой правды настоящей поэзии»). Суждения Вольнского о творчестве недавних соратников — Минского, Мережковского, Гиппиус, Сологуба, Бальмонта — вызывающе резки и оскорбительны: «В произведениях Минского не занималась заря того прекрасного утра, которое он призывал в своих напыщенных аллегориях, тихим, словно охрипшим голосом своих шероховатых стихов, лишенных музыкальной и поэтической мелодии. <...> это — фигура бессильная и болезненная: это приподнятое кверху лицо, умное и недоброе, — лицо литературного горбуна, уродливого приземистого человека, которого судьба с ранних лет обезобразила двумя горбами — на спине и на груди, сломав ему тело и душу»; о Мережковском: «не распространяясь о скудости его оригинального творчества и склонности поэта к заимствованиям и компиляторству, нельзя было не отметить, что между другими поэтами Мережковский является терпеливой и упорной рабочей силой. И я всегда отмечал это, показывая в то же время всю ограниченность и банальность его неумного оригинальничанья, все бессилие напускного пафоса в духе латинского языка». О Гиппиус, Бальмонте и Сологубе я писал в разное время, когда они были на заре своей литературной известности. Я всегда указывал на их талантливость, разьедаемую многочисленными языми. Певучие бессмыслицы Бальмонта, окутанная дымкой “нежно-золотому” невыносимая вульгарность Сологуба <...> Относительно таланта Гиппиус <...> несмотря на краткость карьеры этой писательницы, талант ее кажется мне уже совершенно законченным, застывшим и безвозвратно искаленным. Ее погубила сухая рассудочность и болезненная манерность. Отвращаясь от банального, она создала себе культ из

нравственно уродливого, а этот культ находится за чертою истинного искусства, строго и честного» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 225) и т.п. Статья вошла в книгу Волинского «Борьба за идеализм. Критические статьи» (СПб.: Изд. Н.Г. Молоцова, 1900. С. 477–489).

⁶⁶ Неточная цитата из заметки А. Волинского «Декадентство и символизм» (СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 254–255); позднее: *Волинский А. Борьба за идеализм*. С. 319.

⁶⁷ Имеются в виду рецензии, статьи и заметки Волинского: «О рассказе Гиппиус “Злосчастная”» (1890. № 10. Отд. II. С. 153); «Этюд З. Гиппиус “Одинокий”, “В<естник> Е<вропы>”, май» (1891. № 6. Отд. II. С. 204–206); «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1893. № 3. Отд. II. С. 110–134); «Современная русская беллетристика» (1896. № 2. Отд. II. С. 336–337); «З.Н. Гиппиус-Мережковская. Зеркала. 1898» (1898. № 8–9. Отд. II. С. 242–246); «О символизме и символистах» (1898. № 10–12. Отд. II. С. 216–225) и др. Заметки и рецензии Волинского по большей части содержали беспощадную критику, характерный пример — статья о лирике Мережковского, в которой он упрекает его за отсутствие вдохновения, «живой искренности, умственной простоты и ясности, не допускающей никакой шумной декламации», в «бессодержательной риторике» («Несмотря на философские притязания, лирика его не отличается ни силой, ни оригинальностью» и т.п.), советует оставить «нервическую крикливость», «демонизм, не свойственный его духу», как искусственную тенденцию и «быть самим собой» (*Волинский А. Д.С. Мережковский*. Новые стихотворения. 1891–1895 гг. СПб., 1896 // СВ. 1896. № 3. Отд. II. С. 37, 42, 43).

⁶⁸ В феврале–мае 1896 г. Волинский вместе с Мережковскими путешествует по Италии с целью сбора материалов для книги о Леонардо да Винчи, поездка закончилась полным разрывом отношений; см.: [40, с. 193–194]. В 1897–1898 гг. он опубликовал в «Северном вестнике» цикл статей: «В поисках за Леонардо да Винчи» (1897. № 9 — № 11); «Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды» (1898. № 1 — № 4). Статьи вошли в его книгу «Леонардо да Винчи» ([Изд. 1-е]. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1900. В последующие годы Волинский продолжал изучать наследие Леонардо, работая в европейских архивах, музеях и библиотеках. Новые материалы он опубликовал в «Книге великого гнева»: Критические статьи. Заметки. Полемика» (СПб., 1904; статья «Около Леонардо да Винчи». С. 350–370); затем использовал во втором переработанном издании монографии: [Изд. 2-е]. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1909. Подробнее о пафосе исследования, акцентированном во второй части труда («Демоническое искусство»), см.: [20].

⁶⁹ Мережковский, знавший о планах Волинского пустить очерки о Леонардо да Винчи в «Северном вестнике», начал печатать свой роман в журнале «Начало» под названием «Возрождение» (1899. № 1–№ 2, № 4), однако из-за прекращения издания публикация не была закончена; полностью роман «Воскресшие боги: Леонардо да Винчи» (вторая часть трилогии «Христос и Антихрист», 1895–1907) был напечатан в 1900 г. в журнале «Мир Божий» (№№ 1 — 12). Волинский раздраконил его в «Книге великого гнева» (СПб., 1903. С. 149).

⁷⁰ «Златоцвет. Петербургская новелла» (СВ. 1896 г. № 2 — № 4) вошла в сборник З. Гиппиус «Зеркала. Вторая книга рассказов» (СПб., 1898). Повесть имела очевидный для Гуревич автобиографический подтекст, в отношении главных героев Валентины Сергеевны Муратовой и Льва Львовича Звягина просвечивает драматическая история взаимоотношений Гиппиус с Минским, в образе критика Кириллова опознаваем Волинский; подробнее см.: Переписка З.Н. Гиппиус с Н.М. Минским / вступ. статья, примеч. С.В. Сапожкова, сост. и подгот. текста А.В. Сысоевой, С.В. Сапожкова // [23, с. 113–114]; [16, с. 122].

⁷¹ Имеется в виду заметка З. Гиппиус «Письмо Л. Денисова», опубликованная в составе статьи А. Волинского «Декадентство и символизм» (СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 250–251). Мистификация Гиппиус, возможно, не случайна; в архиве Гуревич сохранились письма поэта Л.И. Денисова (ИРЛИ. № 20197).

⁷² Впервые: СВ. 1896. № 10. Отд. I. С. 35–51 (подпись: *Л. Денисов*); под заглавием «Вне времени. Старый этюд» в книге «Алый меч. Рассказы. (4-я книга)» (СПб., 1906. С. 273–301).

⁷³ Об истории взаимоотношений см.: [34; 10, с. 260–265].

⁷⁴ СВ. 1896. № 12. Отд. II. С. 251.

⁷⁵ Здесь, видимо, иронически; имеется в виду пятая глава из книги Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», озаглавленная «Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н. К. Михайловский, Короленко» (СПб., 1893. С. 57–76).

⁷⁶ Меонизм — метафизическая система Минского, изложенная в его трактате «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890, 1897), в более систематизированном виде в книге «Религия будущего. Философские разговоры» (СПб., 1905). Вольтский отозвался на книгу Минского критической заметкой: СВ. 1890. № 2. Отд. II. С. 101–107.

⁷⁷ Цитата из стихотворения Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» (1886).

⁷⁸ Примечание Л.Я. Гуревич: «Кн. V».

⁷⁹ Предисловие Н. Минского к переводу пьесы М. Метерлинка «Слепые»: СВ. 1894. № 5. Отд. I. С. 229–230. (В предисловии Минский сформулировал принципы «нового искусства»).

⁸⁰ Примечание Л.Я. Гуревич: «Кн. I».

⁸¹ *Метерлинк М.* Аглавена и Селизета / Перев. С франц. С предисловием Н. Минского // СВ. 1897. № 1. Отд. I. С. 74.

⁸² Там же. С. 76.

⁸³ Статья Н. Минского «Русская литература за 1898 г.» (Новости и Биржевая газета. 1899. № 28, от 28 янв. С. 3) дискредитировала критическую деятельность А. Вольтского («инквизиторский тон», «судороги самолюбия», «узколобое сектанство» и т.п.); см.: [39, с. 49–50].

⁸⁴ *Минский Н.* Русская литература за 1898 г. // Там же. С. 3.

⁸⁵ Имеется в виду публикация переводов К. Бальмонта «Из Шелли» — стихотворений «Царица моего сердца» и «Ночь» (СВ. 1893. № 5. Отд. I. С. 94–96); еще раньше был напечатан перевод Н. Минского — «Облако (из Шелли)» (СВ. 1893. № 3. Отд. I. С. 240–242). З. Венгерова поместила в журнале критическую рецензию на издание сочинений Шелли в переводе Бальмонта (СВ. 1896. № 5. Отд. II. С. 318–323), в которой, в частности, отметила: «...с поэзией Шелли русская публика еще не знакома; она знает только Шелли, прошедшего через индивидуальные настроения г. Бальмонта и утрагившего в значительной степени глубину и своеобразность своего творчества» (С. 324).

⁸⁶ Неточность, Федор Сологуб дебютировал в «Северном Вестнике» стихотворением «Вечер» за подписью: *Ф. Т.* (1892. № 2. Отд. I. С. 250). В 1892–1897 гг. он был постоянным автором журнала, где помещал стихи и прозу, а также статьи на общественные темы и рецензии. Псевдоним — *Федор Сологуб* был предложен редакцией. О поддержке, оказанной писателю в «Северном Вестнике», а также об истории его отношений с редакцией журнала в период публикации романа «Тяжелые сны» см.: [42; 31, гл. 3, 4].

⁸⁷ Первая строфа стихотворения «Творчество» («Темницы жизни покидая...») (впервые: СВ. 1893. № 4. Отд. I. С. 52), при публикации которого поэт впервые выступил под псевдонимом: *Федор Сологуб*.

⁸⁸ Рассказ «Тени», принесший Сологубу известность и признание в кругу символистов, был напечатан в декабрьской книжке «Северного вестника» за 1894 г. (№ 12. Отд. I. С. 1–20); в Собр. соч. в 20 т. — «Свет и тени» (Т. 3. СПб.: Сирин., 1913).

⁸⁹ Обзор статей и рецензий Сологуба в «Северном вестнике» за 1892–1897 гг. см.: [31, с. 113–115].

⁹⁰ Биографический факт, известный со слов Сологуба, см.: [30, с. 240].

⁹¹ Первый роман трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» — «Смерть богов. Юлиан Отступник» (первоначальное название «Отверженный»): СВ. 1895. № 1 — № 6; отд. изд.: СПб., 1896. Роман был закончен и передан в редакцию в 1892 г., но из-за редакторской правки Волинского, вносящего в текст изменения по своему усмотрению, Мережковский забрал рукопись из журнала; роман был напечатан после восстановления отношений с Волинским. Подробнее см.: [40, с. 178–182].

⁹² Роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны»: СВ. 1895. № 7 — № 12; отд. изд.: СПб., 1896). В период прохождения рукописи в журнале Сологуб, под давлением Волинского и Гуревич, опасавшихся цензурных репрессий, был вынужден вынимать из романа целые эпизоды и главы, подробнее см.: [31, с. 117–122].

⁹³ СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 137–175.

⁹⁴ См. примеч. 45.

⁹⁵ В 1895–1896 гг. З. Гиппиус напечатала в «Северном вестнике» рассказы и повести: «Мисс Май» (1895. № 10), «Златоцвет. Петербургская новелла» (см. примеч. 70), «Рассказ» (1896. № 8), «Зеркала» (1896. № 12), «Среди мертвых» (1897. № 3); впоследствии они вошли в ее сборники «Новые люди. Рассказы» (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896) и «Зеркала. Вторая книга рассказов» (СПб.: Изд. Н.М. Геренштейн, 1898).

⁹⁶ Имеются в виду стихотворения З. Гиппиус: «Посвящение» («Небеса унылы и низки...»), впервые: СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 136, в сборнике «Новые люди» (С. 222); «Песня» («Окно мое высоко над землею...»), впервые: СВ. 1895. № 12. Отд. I. С. 206, в сборнике «Новые люди». С. 219.

⁹⁷ Далее пропущен катрен: «И это желанье не знаю, откуда / Пришло откуда, / Но сердце хочет и просит чуда, / Чуда!».

⁹⁸ Стихотворение Минского «Портрет» («Я долго знал ее, но разгадать не мог...») впервые опублик.: СВ. 1895. № 3. Отд. I. С. 176. Гуревич подразумевает, что Минский дал в стихотворении психологический портрет З. Гиппиус (подробнее см.: [38, с. 119]. Об истории взаимоотношений поэтов см. публикацию С.В. Сапожкова и А.В. Сысоевой [23, с. 108–397].

⁹⁹ К. Фофанов был постоянным автором «Северного вестника». Волинский не раз одобрительно или восторженно писал о его лирике; первая статья «Библейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887)» была напечатана в журнале «Восход» (1887. № 3. С. 11–16).

¹⁰⁰ Константин Льдов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблом; 1862–1937; поэт, прозаик, переводчик) — постоянный сотрудник «Северного вестника»; корреспондент Л. Гуревич (6 писем 1893–1896 гг.: ИРЛИ. № 19986; 14 писем 1895–1898 гг.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. № 151).

¹⁰¹ О книге Добролюбова *Natura naturans. Natura naturata* (1895) Волинский отзывался иронически: «...произведения г. Добролюбова производят иногда тягостное, иногда забавное впечатление. Вы ищете в книжечке какого-нибудь поэтического содержания, волнующих автора настроений <...>, и вместо всего этого видите бессвязный бред человека мало жившего, ничего глубоко не испытывавшего, но, быть может, уже болезненно изнемогающего от какого-то скверного недуга воображения» и т.п. (*Волинский А. «Русские символисты»*. Выпуск I–II. Александр Добролюбов. *Natura naturans // СВ. 1895. № 9. Отд. II. С. 71*).

¹⁰² По субботам в помещении редакции «Северного вестника» (квартира в меблированных комнатах гостиницы Пале-Рояль на Пушкинской улице, д. 20) Гуревич устраивала журфиксы, которые посещали сотрудники и гости, близкие

по духу направлению журнала. См. воспоминания В.В. Гиппиуса о «Северном вестнике» в его очерке «А.М. Добролюбов» [35, с. 280–281].

¹⁰³ О публикациях драм М. Метерлинка см. примеч. 79, 81, 111; см. также статью Волинского «“Тайны души” М. Метерлинка» (СВ. 1896. № 1. Отд. I. С. 309–316).

¹⁰⁴ В «Северном вестнике» печатался очерк подруги философа Лу Андреас-Саломэ «Фридрих Ницше в своих произведениях» (СВ. 1896. № 3. Отд. I. С. 273–295; № 4. С. 253–272; № 5. С. 225–239). О сотрудничестве Андреас-Саломэ с «Северным вестником» см.: [2, с. 16–21]. В том же году Волинский напечатал в журнале статью «Аполлон и Дионис» (1896. № 11. Отд. I. С. 232–255), в которой дал сжатый анализ эстетического трактата Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872); статья вошла в книгу Волинского «Борьба за идеализм» (СПб., 1900. С. 46–72).

¹⁰⁵ Впервые имя английского писателя, в то время находившегося под следствием, прозвучало на страницах «Северного вестника» в статье А. Волинского «Оскар Уайльд» (1895. № 12. Отд. I. С. 311–317).

¹⁰⁶ Комментарий этого пассажа требует подробной росписи содержания «Северного вестника», таковая в настоящее время отсутствует, потому мы ограничимся здесь сведениями об отдельных или наиболее заметных публикациях.

¹⁰⁷ Первая обстоятельная статья в «Северном вестнике» о драмах Ибсена (Н. Минского) появилась в 1892 г. (см. примеч. 53); вслед затем была напечатана заметка Волинского «Новая драма Г. Ибсена “Строитель Солнec”». Идеалистическая тенденция драмы» (1893. № 5. Отд. II. С. 110–130) и статья графа М. Прозора «Характер Ибсеновских драм» (1895. № 6. Отд. I. С. 31–40), известного своими переводами драм Ибсена на французский язык.

¹⁰⁸ Имеется в виду обзорная статья А. Браунера «Современная “Молодая Германия”» (СВ. 1895. № 11. Отд. I. С. 259–270; № 12. Отд. I. С. 263–278), знакомившая читателей с «новой» немецкой литературой, в частности, с представителями «берлинской школы натурализма» (Арно Гольц, Иоганнес Шлаф, Герхарт Гауптман), а также с писателями «Молодой Австрии» (Герман Бар, Артур Шницлер, Лорис (Гуго фон Гофмансталь), Г. Зудерман). Подробнее о взаимосвязях редакции «Северного вестника» с «Молодой Австрией» см.: [1]. В «Северном вестнике» также были напечатаны статьи Лу Андреас-Саломэ «Драма «Молодой Германии» (Гергард Гауптман, Макс Гальбе, Георг Гиршфельд) (1898. № 2. Отд. I. С. 53–69); «Современные писательницы. Германская романистика» (1898. № 3. Отд. I. С. 157–169).

¹⁰⁹ Имеется я виду публикация К. Льдова «Лесной человек. “Пан”. Роман Кнута Гамсуна» (роман представлен в извлечениях, в пересказе Льдова): СВ. 1896. № 5. Отд. I. С. 240–264.

¹¹⁰ Ранний рассказ Райнера Марии Рильке «Все в одной», полученный от него А. Волинским во время поездки в Германии в 1896 г. («по следам за Леонардо да Винчи») был напечатан в октябрьской книжке «Северного вестника» за 1897 год в переводе С. Шпильберг. См.: [2, с. 18].

¹¹¹ Речь идет о драмах М. Метерлинка «Слепые», «Аглавена и Селизета» в переводе Н. Минского (см. примеч. 79 и 81), «Смерть Тэнтажиля. Драма для кукольного театра» (1895. № 12).

¹¹² «Le Trésor des Humbles» — книга М. Метерлинка «Сокровища смиренных» (1896). Речь идет о публикации «Три этюда Мориса Метерлинка» («Невидимая доброта», «Внутренняя красота», «Глубины жизни»): СВ. 1896. № 2. Отд. I. С. 296–318.

¹¹³ В «Северном вестнике» печатались романы Г. д’Аннунцио «Невинная жертва» (1893. № 5 — № 10), в позднейших изданиях под заглавием «Невинный»; «Торжество смерти» (1894. № 9 — № 12) — оба в переводе М.М. Иванова; рассказ «Епископ и К^о» в переводе Н. Арабажиной (1894. № 6, № 7).

¹¹⁴ Драма Г. Гауптмана «Одинокие люди» (СВ. 1895. № 7), перевод <О.Н. Поповой>; в «Северном вестнике» были опубликованы также его рассказ «Железнодорожный сторож Тиль» (1894. № 3), перевод З. Журавской; «Торжество примирения. Семейная драма» (1898. № 4), перевод С. Чацкиной (ИРЛИ. Картотека Н.Н. Бахина); заметка Л. Гуревич: *Л.Г.* Из дневника журналиста. Пьеса Гауптмана «Ганнеле» (1895. № 5. Отд. II. С. 100–104).

¹¹⁵ Искусство и действительность. Избранные места из сочинений Джона Рескина / пер. с англ. О. М. Соловьевой // СВ. 1896. № 6, № 10 — № 12.

¹¹⁶ Имеются в виду напечатанные в «Северном вестнике» статьи З.А. Венгеровой: «Новая Утопия: Вильям Моррис и его последняя книга» (1893. № 7. Отд. I. С. 249–256); «Вилльям <так в тексте> Моррис, певец “Земного Рая”» (1896. № 11. Отд. I. С. 155–163); «Поль Верлэн» (1896. № 2. Отд. I. С. 271–287); «Родоначальник английского символизма [Вильям Блэк]» (1896. № 9. Отд. I. С. 81–99). Впоследствии статьи вошли в двухтомник Венгеровой «Литературные характеристики» (Т. I. СПб., 1897; Т. II. СПб., 1904).

¹¹⁷ В 1892 г. журнал «Русское богатство» перешел из рук Л.Е. Оболенского (в 1881–1891 гг. — издатель журнала) в руки народников; с 1893 г. Н.К. Михайловский вел в журнале рубрику «Литература и жизнь», в 1895 г. в редакцию вошли В.Г. Короленко, А.И. Иванчин-Писарев, Н.Ф. Анненский.

¹¹⁸ Журналы «Новое слово» (1897), «Начало» (1899), «Жизнь» (1897–1900), в которых П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.С. Изгоев и др. с позиции легального марксизма выступали с критикой либерального народничества.

¹¹⁹ В защиту «Северного вестника» Волянский выступил со статьями «Вражда и борьба партий» (СВ. 1894. № 5. Отд. II. С. 137–155), «Русским ведомостям» (СВ. 1895. № 2. Отд. II. С. 107–108; № 3. Отд. II. С. 128), и др.

¹²⁰ Один из таких инцидентов произошел в марте 1894 г., когда Волянскому было отказано в присутствии на торжественном обеде в честь юбилея А.М. Скабичевского. Волянский счел себя незаслуженно оскорбленным и опубликовал в журнале «Письмо в редакцию (Инцидент на юбилее г. Скабичевского)» (СВ. 1894. № 4. Отд. II. С. 145–147). Широкою скандальной огласку получил инцидент, произошедший в редакции «Северного вестника» в марте 1896 г., когда ворвавшийся туда Н.Н. Шелгунов (сын писателя-шестидесятника Н. В. Шелгунова) плюнул в лицо Гуревич. Поводом послужила допущенная Минским (в то время он был секретарем редакции) небрежность при публикации «Воспоминаний об А.И. Герцене» Н.А. Тучковой-Огаревой (СВ. 1896. № 2). Подробнее об инциденте см.: [32].

¹²¹ Примечание Л.Я. Гуревич: «С.В. Кн. XI за 1894 г.». — Имеется в виду «Письмо к Г-ну Волянскому» (СВ. 1897. № 12. Отд. II. С. 80–82; подпись: *Ваш современник*). Вероятно, мистификация, за которой скрываются адресаты. Автор выражал поддержку редакторам «Северного вестника»: «Я утверждаю, что большинство Ваших самых ярых противников не искренни, фальшивы — не потому что они защищают то, чего сами не знают, чего не любят, потому что они защищают не определенные мысли, а имена, к которым они просто привыкли с детства, фразы, которые они затвердили с чужих слов. Книги, которые Вы критикуете во имя истины, они или читали очень давно, почти бессознательно, или даже вовсе не читали. <...> Вот это та беспредметность в негодующих речах по Вашему адресу, это пристрастие к именам, к названиям, к фразам вместо любви к хорошо усвоенным предметам и определенным понятиям — вот что кажется мне позорной фальшью в нашем обществе. <...> Я уверен, впрочем, что когда время застоя кончится, а оно должно придти к концу, многим станет ясно, что осуждение, которое бросают со всех сторон Вашим твердым и светлым взглядам во имя будто бы “либерализма”, есть не что иное, как жалкая ложь и фальшь, которую прикрываются люди, стыдящиеся обнаружить свои настоящие бессильные настроения» и т.д. Публикация сопровождается редакционным примечанием: «Письмо это полученное г. Волянским, мы охотно предаем гласности без всяких комментариев с нашей стороны» (С. 80).

¹²² Сан-Сати́ро. Из флорентийских легенд Анато́лия Франса. Пер. Д. Мережковско́го // СВ. 1895. № 11. Отд. I. С. 243–257. Письмо, о котором идет речь, предположительно принадлежит дяде Л.Я. Гуревич по матери – Александру Ивановичу Ильину (1851–1921), см.: «...пишу о том ужасе, который обьял меня <...> при чтении ноября С.В.» (далее указаны страницы с описанием «непристойностей»); «Друг мой, ты знаешь, сколько у вас врагов, к чему же давать им пишу на совершенно новом поле? А ведь книга подписана тобой и как издательницей и как редактором!» (ИРЛИ. № 20171. Л. 1–1 об.).

¹²³ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — правовед, адвокат публицист, историк польской литературы; выступал защитником Гуревич в третейском суде с пайщиками, см.: [28, с. 319–396]; напечатал в «Северном вестнике» статьи: «По поводу книг проф. Г.Ф. Шершеневича об авторском праве на литературные произведения» (1891. № 11. Отд. II, С. 61–70) «Избирательная реформа 1893 года в Бельгии» (1895. № 5. Отд. I. С. 183–207), «А.Я. Пассовер» (1897. № 3. Отд. II. С. 319–327, в соавторстве с Н. Карабчевским) и др. В архиве Гуревич сохранились 11 писем Спасовича за 1891–1898 гг.: ИРЛИ. № 20090.

¹²⁴ Трачевский Александр Семенович (1838–1906) — историк, приват-доцент Санкт-Петербургского университета (не преподавал, читал публичные лекции в «Соляном городке»), либеральный публицист; в «Северном вестнике» вел политический отдел. В связи с жестким прессингом со стороны цензуры 6 марта 1894 г. он писал Гуревич: «Сейчас я увидел себя в С.В., как в кривом зеркале: ни кожи, ни рожи моей. Аким Львович прав: так невозможно вести дело. К тому же у читателей может сложиться неверная умственная перспектива. Не знал цензурных условий, которым подвержен С.В., и прочитав более листа “Провинциальной печати”, более листа “Внутреннего обозрения” и менее пол-листа “Политической” Летописи”, он может подумать, что теперь Запад совсем сгнивает, а Восток кипит жизнью. Если б я разделял такое мнение — еще куда бы ни шло. Но я убежден в противном. Давно русская жизнь не представляла так мало содержания и заинтересованности: да еще при нынешней цензуре! Никогда жизнь Запада не была так поучительна и любопытна. Вы знаете, как больно мне было жертвовать нередко яркими фактами и непустыми мыслями, — и все-таки я немного отставал. Жизнь Запада теперь так бойка, у нее такой богатырский рост, что политическая летопись должна полнеть (если не выносить в научный отдел крупных вопросов, в более законченном виде), а она все худела. Надеюсь, Вы найдете мои доводы основательными для того, чтобы мне отказать от дальнейшего введения политической летописи в С.В. Я делаю это теперь же. Позаботьтесь, чтобы уже апрельская летопись принадлежала не моему перу» (ИРЛИ. № 20118. Л. 9). Трачевский, тем не менее, продолжал работать в журнале почти до его закрытия.

¹²⁵ Критический очерк «Тургенев и Толстой» Дмитрия Николаевича Овсянникова-Куликовского (1853–1920) печатался в «Северном вестнике» из номера в номер в продолжение 1895–1897 гг. Кроме того, он опубликовал в журнале объемную работу «Психология художественного процесса» (1893. № 11 — № 12).

¹²⁶ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — историк, юрист, социолог, общественный деятель, член-корреспондент (1899), академик Петербургской Академии наук (1914); один из лидеров русского масонства; опубликовал в «Северном вестнике» работы: «Кавалеры и круглоголовые. Опыт изучения их политических воззрений» (1892. № 7 — № 8); «Общественные доктрины прошлого века» (1893. № 3 — № 8). В архиве Гуревич сохранились три письма Ковалевского (1892–1893): ИРЛИ. № 19943.

¹²⁷ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) — литературовед, ординарный профессор Московского университета, специалист по западноевропейской литературе, почетный академик Петербургской Академии наук (1906), брат академика Александра Веселовского; в «Северном вестнике» напечатал лекцию о зарубежной литературе XIX в. — «Накануне нового столетия» (1892. № 3). В архиве Гуревич сохранились два письма Веселовского к ней (б.г.): ИРЛИ. № 198590.

¹²⁸ Бодуэн де Куртене Иван Александрович (*польск.* Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay; 1845–1929) — лингвист, профессор сравнительного языкознания; член-корреспондент Петербургской Академии наук (1897); опубликовал в «Северном вестнике» статью «Элиза Ожешко. Итоги 25-ти-летней литературной деятельности» (1892. № 12).

¹²⁹ Шепелевич-Лазаревич Лев Юлианович (1863–1909) — археолог, историк литературы, профессор Харьковского университета, наиболее активный сотрудник «Северного вестника»; публ.: «Гюи де Мопассан» (1893. № 8); «Первый публицист в Европе» (1894. № 3), «Противоречия эмпирической нравственности гр. Л. Толстого» (1895. № 10); «Романист-моралист (Эдуард Род)» (1895. № 3); «Гергард Гауптман: Характеристика» (1895. № 7); «Программа по истории всеобщей литературы» (1896. № 12; раздел «Вопросы самообразования»), «Очерки из истории новейшей испанской литературы» (1896. № 3); «Всеобщая литература» (1896. № 6); «Боккаччо в исследовании русского ученого» (1897. № 2 — рец. на труд А.Н. Веселовского «Боккаччо, его среда и сверстники». В 2 т. СПб., 1893–1894); «Очерки из истории новейшей испанской литературы (Драма 1850–1892 г.)» (1897. № 5); «Сенкевич как романист-психолог» (1897. № 8). В архиве Гуревич сохранились три письма Шепелевича к ней (1893–1895): ИРЛИ. № 20163.

¹³⁰ Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — историк права, профессор и ректор Петербургского университета (1897–1899); в «Северном вестнике» напечатаны статьи: «Порядок приобретения ученых степеней» (1897. № 10); «Пересмотр истории служилого землевладения» (1897. № 11); журнал поместил рецензию на капитальный труд ученого: «Проф. В. Сергеевич. Русские юридические древности. Том второй. Власть. Выпуск второй. Советники князя» (1896. № 8). В архиве Гуревич содержится три письма к ней Сергеевича (1898): ИРЛИ. № 20080.

¹³¹ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) — юрист, криминолог, ординарный профессор, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената; опубликовал в «Северном вестнике» статьи: «Женщина-преступница» (1893. № 2 — № 3); «Факторы преступности» (1893. № 10 — № 11), «Бернский съезд международного союза уголовного права» (1890. № 10), «Кистяковский как криминалист» (1895. № 2), «Русские юристы в Берлине» (1895. № 12), «Проект уголовного уложения» (1898. № 2). В архиве Гуревич сохранились 4 письма Фойницкого (1891–1895 гг.): ИРЛИ. № 20132.

¹³² Холодковский Николай Александрович (1858–1921) — поэт-переводчик; зоолог, один из основоположников научной энтомологии в России, член-корреспондент Петербургской Академии наук; заслуженный профессор; опубликовал в «Северном вестнике»: «Научная летопись: Организм и окружающая среда. Биологический очерк» (1891. № 10), «Из Гете Стихотворения» (1892. № 4); «Карл-Эрнст фон Бэр. Критико-биографический очерк» (Там же. № 11), «Старый и новый Ламаркизм» (1895. № 6). В архиве Гуревич хранятся 4 письма Холодковского (1890–1895): ИРЛИ. № 20135.

¹³³ Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) — зоолог, психолог, профессор; опубликовал в «Северном вестнике» статьи: «Русская зоологическая станция в Вилла-Франке» (1891. № 3), «Материнское чувство животных и человека» (1894. № 4); «Принцип свободы в царстве животных» (1894. № 7), «Самообразование по зоопсихологии» (1896. № 1); «Границы и область биологии» (1898. № 6–7). Три письма Вагнера к Гуревич (1894–1895): ИРЛИ. № 19833.

¹³⁴ Боргман Иван Иванович (1849–1914) — физик, профессор, в 1875–1901 гг. редактор «Журнала Русского Физического общества и Химического общества»; преподавал на Бестужевских курсах (в очерке «История «Северного Вестника»» Гуревич сообщает, что слушала лекции Боргмана, см.: [35, с. 237]); ректор Петербургского университета (1905), автор статьи «Самообразование по физике» (СВ. 1896. № 2).

¹³⁵ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог, пропагандист эволюционизма, с 1889 г. профессор и заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Петербургского университета; публ. в журнале: «Венский естественно-исторический музей» (1891. № 7), «Вековая загадка (К вопросу о наследственности)» (1894. №10), «Полемика по вопросу наследственности» (1895. № 3); «Эволюционная идея в ее естественноисторическом движении» (1895. № 7), «О самообразовании по зоологии» (1896. № 1). В архиве Гуревич сохранились два письма Шимкевича (1893 и б.д.): ИРЛИ. № 20164.

¹³⁶ Соловьев Михаил Петрович (1841–1901) возглавлял Главное управление по делам печати МВД в 1896–1901 гг.; в годы его управления были приостановлены многие органы печати.

¹³⁷ Энгельгардт Владимир Александрович (1862–1912), с 10 дек. 1892 г. причислен к МВД и откомандирован в Петербург. С 18 марта 1896 г. исполняющий должность цензора, с 10 апреля 1899 утверждён в должности [43, с. 349]. Сын (?) Александра Андреевича Энгельгардта — члена петербургской сухопутной таможни, тестя обер-прокурор Синода К.П. Победоносцева.

¹³⁸ *Волынский А.* О символизме и символистах // СВ. 1898. № 10–12. Отд. II. С. 220.

¹³⁹ Знакомство Л. Гуревич с А. Блоком состоялось в 1907 г. Этот эпизод отсутствует в мемуарном очерке Гуревич о Блоке, см.: [13]. В «Северном вестнике» была напечатана статья деда Блока, А.Н. Бекетова — «Вопросы самообразования. VII. Ботаника» (1896. № 4. Отд. I. С. 95–108).

¹⁴⁰ Религиозно-философский журнал «Новый Путь» (1903–1904), издававшийся П.П. Перцовым, во главе которого стояли Мережковский, Гиппиус и Д.В. Философов.

¹⁴¹ Машинопись с правкой карандашом: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 57–59 об.

¹⁴² Кондратьев Аким Ипатьевич (1885–1953) — писатель, литературовед, член Всероссийского союза поэтов, действительный член ГАХН (с 1921), заместитель заведующего Кабинетом художественной агитации и пропаганды (1928–1929), член дирекции Театральных мастерских ГАХН. Петровский Михаил Александрович (1869–1937) — филолог-германист, переводчик Э.Т. А. Гофмана; действительный член ОЛРС и ГАХН (с октября 1921 г.), в 1923–1924 г. — заведующий Подсекцией теоретической поэтики Литературной секции ГАХН, член Редакционной комиссии «Словаря художественных терминов» ГАХН. Поливанов Иван Львович (1867–1942) — литератор, участник заседаний Литературной секции ГАХН, член-корр. Академии (с февр. 1927). Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) — поэт, переводчик, литературовед, сотрудник ГАХН по Социологическому отделению и Литсекции, ученый секретарь Секции русской литературы. Чулков Георгий Иванович (1879–1939) — прозаик, поэт, историк литературы, действительный член ГАХН, член Комиссии по изучению исторической и теоретической поэтики и методологии литературы и по изучению русской критики. Подробнее об участии присутствовавших лиц в работе ГАХН см. по указат. в: [17].

¹⁴³ Имеется в виду письмо В. Брюсова в редакцию «Северного вестника» от 20 июня 1892 г., опубликовано по черновику: [12, с. 230], к которому приложены шесть стихотворений: «Сегодня судьба мне послала свиданье...», «Смерть — то спокойная ночь...» (пер. из Гейне), «Поэзия», «Октава», «В пространстве эфира блуждая, «Мне снилось, ты пришла ко мне...».

¹⁴⁴ Гуревич обращалась к министру внутренних дел Ивану Логгичу Горемыкину (1839–1917) с просьбой о снятии с журнала предварительной цензуры; в апреле 1897 г. цензура была снята.

¹⁴⁵ Об отношении С.А. Толстой к Л.Я. Гуревич см.: [21, с. 109, 124; 3, с. 172–173].

¹⁴⁶ Повесть С.А. Толстой «Чья вина? По поводу “Крейцеровой сонаты” Льва Толстого» (1895), впервые: Октябрь. 1994. № 10. С. 6–59.

¹⁴⁷ Уместно в этой связи процитировать письмо В.С. Соловьева к Л.Я. Гуревич от 3 декабря 1892 г., неучтенное в издании писем философа (Письма В.С. Соловьева / под ред. Э.С. Радлова. СПб., 1911. Т. 3), в котором он высказывает неодобрительное отношение к критической деятельности Вольтинского (благодарим В.А. Котельникова, любезно предоставившего нам это письмо, извлеченное из архива Е.М. Браудо; приводим текст с правой стороны и Вольтинского): «Я нахожу, что [зач. Флексер надпис. Вольтинский] занял публицистическую позицию, вредную для него самого, пагубную для журнала, весьма неудобную для благожелательных сотрудников и, наконец, подливающую воды на мельницу антисемитов. С самого начала, еще при “покойном” Г<линском> (с которым я, разумеется, не сравниваю А.Л. Вольтинского в других отношениях) я неоднократно советовал ему (т.е. Глинскому) воздержаться от преждевременного воинствования и не отстаивать столь решительно положения, еще не завоеванного. Самонадеянный “покойник” не внял дружескому совету, но не мог, однако, на одной лишь гордости утвердить своего благополучия. У [зач. Флексера надпис. Вольтинского], кроме гордости, есть литературное дарование и образованность [зач. (не говоря уже о литере <слово не дописано> практической порядочности)] — тем печальнее его полемика с Михайловским» (Браудо Е.М. Аким Львович Вольтинский. Материалы для биографии // РГАЛИ. Ф. 95. № 1104. Л. 7–8).

¹⁴⁸ Неустановленные лица.

¹⁴⁹ Измаильская (урожд. Ходорова) Вера Давыдовна (1884 — не ранее 1953) — историк русской и французской литературы, сотрудник ГМИИ (1924 — ок. 1946).

¹⁵⁰ Неустановленные лица.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик. Приложение: Александр Браунер. Письма Федору Сологубу 1897–1912 годов / подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // *Русская литература*. 2020. № 1. С. 122–161.
2. *Азадовский К.* Рильке и Россия. Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 432 с.
3. *Богомолов Н.А.* В Ясной Поляне 125 лет тому назад // *Русская литература*. 2018. № 3. С. 170–180.
4. *Богомолов Н.А.* Другое литературоведение: занятия подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // *Русская литература и философия: пути взаимодействия*. М.: Водолей, 2018. С. 461–474.
5. *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С.Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт*. 2017. № 4. С. 284–289.
6. *Богомолов Н.А.* Печать русского символизма: Учеб. пособие. М.: МГУ, 2020. 120 с.
7. *Веккер Б.* Библиография трудов А.Л. Вольтинского // Памяти Акима Львовича Вольтинского: Сборник под ред. П.Н. Медведева. Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. С. 83–93.
8. *Венгеров С.А.* А. Вольтинский // *Русская литература XX века: 1890—1910* / под ред. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Ч. I. Т. II. С. 122–123.
9. *Вересаев В.В.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5: Воспоминания. 536 с.
10. *Вольтинский А.Л.* Русские женщины / предисл., коммент., публ. А.Л. Евстигнеевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1994. Вып. 17. С. 209–292.
11. *Гречишкин С.С.* Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3–29.

12. *Гудзий Н.* Юношеское творчество Брюсова // Литературное наследство. М.: Жургаз, 1937. Т. 27–28. С. 198–238.

13. *Гуревич Л.* Из воспоминаний о Блоке / вступ. статья Е.И. Поляковой // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 839–849.

14. *Гуревич Л.Я.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М.: Мир, 1914. Т. I. С. 235–264.

15. Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения. Переводы Дмитрия Мережковского / сост. и подгот. текста Г.Н. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2010. 448 с.

16. *Иванова Е.В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–XX века. 1890–1904. М.: Наука, 1982. С. 91–128.

17. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: в 2 т. / под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

18. К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере / публ. и примеч. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусaget»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2014. С. 253–327.

19. *Котельников В.А.* Афон и Габима. (Религиозный путь Акима Волянского) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 296–322.

20. *Котельников В.А.* Творческая личность Леонардо в трактовке Акима Волянского // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме. СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2014. С. 121–132. («Россия — Запад — Восток»: Литературные связи; вып. 2).

21. *Куприяновский П.В.* «Оглядываясь на прошлое...» Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж: Изд. фирма «Воронеж», 2009. 200 с.

22. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. П.М. Фортунатов. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. 671 с.

23. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомолов и М.М. Павлова. Кн. 1. 890 с.

24. *Максимов Д.Е.* «Северный вестник» и символисты // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 85–128.

25. *Межуев Б.В.* Аким Волянский и Вл. Соловьев // Соловьевские исследования. 2007. Вып. 14. С. 194–212.

26. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подготовила Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 904 с. (Литературные памятники).

27. *Миц З.Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство–СПб., 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. 478 с.

28. *Молоствов Н.Г.* Борец за идеализм (А.Л. Волянский) / 2-е изд. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1903. 396 с.

29. Н.С. Лесков: Классик в неклассическом освещении / отв. ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2011. 590 с.

30. Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 575 с.

31. *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.

32. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J.

Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45).

33. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981. 564 с.
34. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкиревой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.
35. Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Ч. 1. 367 с.
36. Русская литература XX в., 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.
37. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. 800 с.
38. Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (Из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступит. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича; подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // *Русская литература*. 2010. № 2. С. 100–125.
39. *Сапожков С.В.* Поэзия и судьба Николая Минского // *Ранние символисты*. Николай Минский. Александр Добролюбов. СПб.: Академический проект, 2005. С. 7–95. (Новая Библиотека поэта).
40. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.
41. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 70: Письма 1897 г. 240 с.
42. Ф. Сологуб. Письма к Л.Я. Гуревич и А.А. Волынскому / публ. И.Г. Ямпольского // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год*. Л.: Наука, 1974. С. 112–130.
43. Цензоры Российской империи. Конец XVIII — начало XIX века: Библиографический справочник. СПб.: РНБ, 2013. 480 с.
44. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
45. *Cieslik K.* «Siewiernyj wiadnik»: Zarys monograficzny. Szczecin: Wyd. nauk. wyższej szkoły ped., 1977. 160 S.

Research Article and Publication of Archival Documents

From Lyubov Gurevich's memoirs about the journal “SEVERNY VESTNIK” Part One

© 2020. Margarita M. Pavlova, Nikolai A. Bogomolov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The journal “Serny Vestnik” (1891–1898), around which relatively young Petersburg writers — A. Volynsky, N. Minsky, D. Merezhkovsky and Z. Gippius, F. Sologub — were grouped in the last years of the 19th century, was of exceptional importance for the early stage of Russian Symbolism. The publication presents new archival materials on the history of the journal: an article “Symbolism of the 1890s and the journal ‘Serny Vestnik’” by L.Ya. Gurevich, prepared for an unpublished

collection of articles “Russian Symbolism” edited by N.K. Gudziĭ and read in the form of a report at a meeting of the Literary Subsection of the State Academy of Arts, as well as the minutes of the meeting dated May 14, 1926 with the discussion of this report. An addition to L. Gurevich’s article is her notes (1897–1898), which record the real and biographical context of the publication of “Severnoy Vestnik” from the moment the journal passed into her hands until it was closed, as well as her plan for reorganizing the journal. These materials will be presented in the second part of the publication. Documents introduced into scientific circulation allow expanding the range of sources for studying the history of “Severnoy Vestnik” and early Russian Symbolism.

Keywords: “Severnoy Vestnik”; Lyubov Gurevich; early Russian Symbolism; GAKhN; archival materials.

Information about the authors: Margarita M. Pavlova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Nikolai A. Bogomolov (1950–2020), DSc in Philology, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University.

For citation: Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severnoy Vestnik’. Part One.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 8–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

References

1. Azadovskii, K.M. “Venskii aktsent: Fedor Sologub i ego perevodchik” [“Vienna accent: Fedor Sologub and His Translator”]. Appendix: Aleksandr Brauner. Pis'ma Fedoru Sologubu 1897–1912 godov” [“Alexander Brauner. Letters to Fedor Sologub, 1897–1912”], text prep. and comm. by M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, no. 1, 2020, pp. 122–161. (In Russ.)
2. Azadovskii, K. *Ril'ke i Rossiia. Stat'i i publikatsii* [Rilke and Russia. Essays and Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 432 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. “V Iasnoi Poliane 125 let tomu nazad” [“In Yasnaya Polyana 125 Years Ago”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2018, pp. 170–180. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. “Drugoe literaturovedenie: zaniatiia podseksii istorii russkoi literatury GAKhN 1925–1929” [“Alternate Literary Criticism: Studies of the Subsection for the History of Russian Literature of the GAKhN in 1925–1929”]. *Russkaia literatura i filosofia: puti vzaimodeistviia* [Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 461–474. (In Russ.)
5. Bogomolov, N.A. “Iz kommentatorskikh zametok. 4. K publikatsiiam statei S.N. Durylina o simvolizme” [“From the Notes of a Commentator 4. About S.N. Durylin’s Works on Symbolism”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2017, pp. 284–289. (In Russ.)
6. Bogomolov, N.A. *Pechat' russkogo simvolizma: Uchebnoe posobie* [Printing of Russian Symbolism: Textbook]. Moscow, MGU Publ., 2020. 120 p. (In Russ.)

7. Vekker, B. "Bibliografiia trudov A.L. Volynskogo" ["Bibliography of A.L. Volynsky's Works"]. *Pamiati Akima L'vovicha Volynskogo: Sbornik [In Memory of Akim Lvovich Volynsky: Collection]*, ed. by P.N. Medvedev. Leningrad, Vserossiiskii soiuz pisatelei Publ., 1928, pp. 83–93. (In Russ.)
8. Vengerov, S.A. "A. Volynskii" ["A. Volynsky"]. *Russkaia literatura XX veka: 1890—1910 [Russian Literature of the 20th Century: 1890–1910]*, vol. II, part I, ed. by S.A. Vengerov. Moscow, Mir Publ., 1915, pp. 122–123. (In Russ.)
9. Veresaev, V.V. *Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 5: Vospominaniia [Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1961. 536 p. (In Russ.)
10. Volynskii, A.L. "Russkie zhenshchiny" ["Russian Women"], introd., comm., publ. by A.L. Evstigneeva *Minushee: Istorich. al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1994, pp. 209–292. (In Russ.)
11. Grechishkin, S.S. "Arkhiv L.Ia. Gurevich" ["L. Ya. Gurevich Papers"]. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 3–29. (In Russ.)
12. Gudzii, N. "Iunosheskoe tvorchestvo Briusova" ["Bryusov's Youth Works"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 27–28. Moscow, Zhurgaz Publ., 1937, pp. 198–238. (In Russ.)
13. Gurevich, L. "Iz vospominanii o Bloke" ["From Memoirs About Blok"], introd. by E.I. Poliakova. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies]*, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 839–849. (In Russ.)
14. Gurevich, L.Ia. "Istoriiia 'Severnogo vestnika'." ["History of 'Severny Vestnik'."]. *Russkaia literatura XX veka [Russian Literature of the 20th Century]*, vol. 1. Moscow, Mir Publ., 1914, pp. 235–264. (In Russ.)
15. *Dafnis i Khloia. Ital'ianskie novelly. Sharl' Bodler. Izbrannye stikhotvoreniia. Perevody Dmitriia Merezhkovskogo [Daphnis and Chloe. Italian Short Stories. Charles Baudelaire. Selected Poems. Translations by Dmitry Merezhkovsky]*, comp. and text prep. by G.N. Martynov. Moscow, Lomonosov" Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
16. Ivanova, E.V. "'Severnii vestnik.'" ["'Severny Vestnik'."]. *Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika kontsa XIX–XX veka. 1890–1904 [Literary Process and Russian Journalism of the Late 19th — 20th Centuries. 1890–1904]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 91–128. (In Russ.)
17. *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov: v 2 t. [Art as a Language — Languages of Art. State Academy of Arts and Aesthetic Theory of the 1920s. In 2 vols.]*, ed. by N.S. Plotnikov and N.P. Podzemskaya with the participation of Yu.N. Yakimenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russ.)
18. "K istorii russkogo simvolizma: S.N. Durylin o Sh. Bodelere" ["On the History of Russian Symbolism: S.N. Durylin on Ch. Baudelaire"], publ. and comm. by G.V. Nefedyev. *Knigoizdatel'stvo "Musaget": Istorii. Mify. Rezul'taty: Materialy i issledovaniia [Musaget Publishing House: History. Myths. Results: Materials and Studies]*. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 253–327. (In Russ.)
19. Kotel'nikov, V.A. "Afon i Gabima. (Religiozniy put' Akima Volynskogo)" ["Athos and Habima. (The Religious Path of Akim Volynsky)"]. *Khristianstvo i russkaia literatura [Christianity and Russian Literature]*, issue 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 296–322. (In Russ.)
20. Kotel'nikov, V.A. "Tvorcheskaiia lichnost' Leonardo v traktovke Akima Volynskogo" ["The Creative Personality of Leonardo as Interpreted by Akim Volynsky"]. *Obrazy Italii v Rossii — Peterburge — Pushkinskom Dome [Images of Italy in Russia —*

Petersburg — Pushkin House]. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo Doma Publ., 2014, pp. 121–132. (In Russ.)

21. Kupriianovskii, P.V. “*Ogliadyvaias' na proshloe...*” *Zhurnal “Severnii vestnik” 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiia* [“*Looking Back at the Past...*” *The Journal “Severnii Vestnik” of the 1890s and Its Literary Position*]. Voronezh, Izd. firma “Voronezh” Publ., 2009. 200 p. (In Russ.)

22. *L.N. Tolstoi v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [L.N. Tolstoy in the *Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 2, comp. by P.M. Fortunatov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. 671 p. (In Russ.)

23. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 106: *Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius]*, book 1, comp. by N.A. Bogomolov and M.M. Pavlova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 890 p. (In Russ.)

24. Maksimov, D.E. “Severnii vestnik’ i simvolisty” [“Severnii Vestnik’ and Symbolists”]. Evgen’ev-Maksimov, V., Maksimov, D. *Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki [From the Past of Russian Journalism]*. Leningrad, Izd-vo pisatelei v Leningrade Publ., 1930, pp. 85–128. (In Russ.)

25. Mezhuiev, B.V. “Akim Volynskii i VI. Solov’ev” [“Akim Volynsky and VI. Solovyov”]. *Solov’evskie issledovaniia [Solovyov Studies]*, issue 14. Ivanovo, 2007, pp. 194–212. (In Russ.)

26. Merezhkovskii, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoi literatury [Eternal Companions. Portraits from World Literature]*, prep. by E.A. Andrushchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 904 p. (In Russ.)

27. Mints, Z.G. *Blok i russkii simvolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn. [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: in 3 books]*, book 3: *Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)

28. Molostov, N.G. *Borets za idealizm (A.L. Volynskii) [Fighter for Idealism (A.L. Volynsky)]*, 2nd ed. St. Petersburg, Tip. P. Soikina Publ., 1903. 396 p. (In Russ.)

29. *N.S. Leskov: Klassik v neklassicheskom osveshchenii [N.S. Leskov: A Classic in Non-Classical Lighting]*, ex. ed. O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2011. 590 p. (In Russ.)

30. *Neizdannyy Fedor Sologub: Stikhi. Dokumenty. Memuary [Unpublished Fedor Sologub: Poems. Documents. Memoirs]*, ed. by M.M. Pavlova and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 575 p. (In Russ.)

31. Pavlova, M. *Pisatel’-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov [The Writer-Inspector: Fedor Sologub and F.K. Teternikov]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

32. Pavlova, M. “Etot preslovutyy plevok v litso...”: Iz istorii zhurnala ‘Severnii vestnik’.” [“This Notorious Spit in the Face...”: From the History of the Journal ‘Severnii Vestnik’.”] *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014, pp. 117–137. (In Russ.)

33. *Pamiatniki kul’tury. Noveye otkrytiia. Ezhegodnik 1980 [Monuments of Culture. New Discoveries. Annual 1980]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 564 p. (In Russ.)

34. “Pis’mo Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minuvshee: Istorich. al’manakh [The Past. Historical Almanac]*, issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)

35. *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910* [*Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910*], part 1, ed. by prof. S.A. Vengerov. Moscow, Mir Publ., 1915. 367 p. (In Russ.)
36. *Russkaia literatura XX v., 1890–1910* [*Russian Literature of the 20th Century, 1890–1910*], ed. by S.A. Vengerov, afterword, text prep. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2004. 543 p. (In Russ.)
37. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
38. “Russkie Modernen — Zinaida Gippius i Nikolai Minskii (Iz pisem Liubovi Gurevich k Edgaru Meshingu)” [“Russian Modernen — Zinaida Gippius and Nikolai Minsky (From Lyubov Gurevich's Letters to Edgar Mesching)”, introd. and comm. by M.M. Pavlova and S. Rabinovich, text prep. by M.M. Pavlova and K.V. Yakovleva. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 100–125. (In Russ.)
39. Sapozhkov, S.V. “Poeziia i sud'ba Nikolaia Minskogo” [“Nikolai Minsky's Poetry and Fate”]. *Rannie simvolisty. Nikolai Minskii. Aleksandr Dobroliubov* [*Early Symbolists. Nikolay Minsky. Alexander Dobrolyubov*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 7–95. (In Russ.)
40. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [*The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)
41. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [*Complete Works: in 90 vols.*], vol. 70: Pis'ma 1897 g. [Letters. 1897]. Moscow, GIKhL Publ., 1954. 240 p. (In Russ.)
42. “F. Sologub. Pis'ma k L.Ia. Gurevich i A.A. Volynskomu” [“F. Sologub. Letters to L.Ya. Gurevich and A.A. Volynsky”], publ. by I.G. Yampolsky. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1972 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1972*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 112–130. (In Russ.)
43. *Tsenzory Rossiiskoi imperii. Konets XVIII — nachalo XIX veka: Bibliograficheskii spravochnik* [*Censors of the Russian Empire. Late 18th — Early 19th Centuries: Bibliographic Reference Book*]. St. Petersburg, RNB Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)
44. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [*Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.*]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)
45. Cieslik, K. “Siewiernyj wiestnik”: Zarys monograficzny. Szczecin, Wyd. nauk. wyzszej skoly ped., 1977. 160 S. (In Polish)